

ЯНА БОГДАНОВА

Изнанка Тьмы

I

Хроники Моокрогга

18+

Яна Богданова
Хроники Моокрогга.
Изнанка Тьмы. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70238803

SelfPub; 2024

Аннотация

Звора, уроженца Северной Границы Моокрогга и уже почти выпускника хувнтонской Школы Магии, больше занимает собственное будущее, чем эфемерные посулы о спасении мира. Однако у высшей силы другие планы. Как и у тех, кто решил обыграть Вечных в их же игре. Но для того, чтобы исполнить навязанный тебе долг, придется многим поступиться. Согласится ли честолюбивый северянин стать орудием Равновесия? Или Моокрогг ожидает повторение катастрофической Первой Войны?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	62
Глава 3	120
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Яна Богданова
Хроники Моокрогга.
Изнанка Тьмы. Том 1

Посвящается А.Р.

Глава 1

Зеленоватый солнечный диск скользил между грязными облаками. Погода здесь редко бывала иной. Как и время. Для трех фигур, облаченных в черное, это не имело значения. Ни один из них не мерил время так, как решили смертные. Да и мерил ли вообще?

– Ты нашел его, Великий. Наконец-то, – нарушил затянувшееся молчание один, стоящий у подножья каменного трона, взгляд темно-синих глаз скользнул по неподвижному полотнищу серовато-черной тени, простершейся чуть ли не до самого горизонта. Единственной тени, что не страшилась показываться на плато Совета. – Но мы не можем ничего сделать, пока не решится судьба Равновесия.

– Так и есть, – отозвался другой, тот, что сидел на троне. Взгляд нечеловеческих льдисто-белых глаз без зрачков был неизмеримо спокоен. Он ждал возражений. Что ж, долго ждать не пришлось...

– Хватит, – едко бросил третий советник, держащийся в стороне. – Я и без того слишком долго терпел это унижение.

– Мы не будем нарушать договор. Есть и другие способы достичь нашей цели.

– Твоей цели.

– Нашей цели, – с ледяным спокойствием повторил глав-

ный. – Нашей, Гриммсворд. После битвы Сторон нас осталось всего трое. Сейчас не время делить цели. Я наконец отыскал потомка того, кому перешел мой дар. Но убить его сейчас – значит дать светлым повод обвинить нас в нарушении договора с Вечными. Мы не имеем права вмешиваться в судьбу Равновесия. Не мы его творили и не нам решать его судьбу. Как не нам решать и судьбу мира, в который попали Печати.

– Те, кто ими владеют тоже далеки от творцов, – ядовито заметил Гриммсворд. – Все смертные оказались в Мокрогге по воле Судьбы и Случая. Явились из сопряженных миров. Они ничем не лучше нас. Но держат в руках ключ к новой битве Сторон. А мы просто... наблюдаем!

Льдисто-белые глаза поймали взглядом зеленоватое пятно солнечного диска:

– Ты сам когда-то был частью их мира.

– И потому знаю, о чем говорю, лучше вас обоих.

– Я никогда не ставил под сомнение твое знание. Но у меня нет никакого резона вмешиваться в эту битву только потому, что тебе надоело ждать.

– Ждать? О, я не просто жду, я стою здесь и слушаю того, кто по собственной воле лишился большей части силы, а теперь смеет приказывать мне набраться терпения!

– Хочешь бросить мне вызов?

– А если и так?

– Мы можем не просто ждать, Великий, – подал голос

синеглазый.

– Говори, Фаргдалл.

– Если Равновесие падет, Моокрогг вновь поглотит Хаос. Есть большая вероятность, что мы потеряем след или человек погибнет раньше, чем вы проведете нужный ритуал и вернете себе утерянную часть силы. Почему бы, в таком случае, не помочь Носящим? Мы, как и вассалы, несущие нашу волю, не можем вмешиваться в судьбу Равновесия. Но кроме вассалов у нас есть и другие союзники. Формальности договора будут соблюдены.

Сидящий на троне задумчиво обхватил ладонью подбородок, медленно кивнул:

– Согласен. Поручим это моему посвященному – он сумеет найти даже то, что не оставляет следов.

Угольно-черные глаза Князя Гриммсворда зло сузились. Но возражать он не стал. Не сейчас...

Шуршали капли, скатываясь с крыш на брусчатку внутреннего двора, ворчал раскатами уходящий гром, следом за ним спешила юркая змея молнии. Непривычная для Юга погода загнала по домам даже вездесущих торговцев, стекавшихся в Хувнтон со всей Границы. Дождь шел уже четвертый день, неизменно отступая перед закатом и возвращаясь на рассвете, дисциплиной превосходя даже гвардию правящего монарха. Не то чтобы эта гвардия вообще была образчиком означенной дисциплины, но сравнивать мне особо не

с чем – Верные Степи для столь возвышенных метафор явно не годились. Конечно, существовала в этом мире армия, с чьей дисциплиной и эффективностью меня угораздило познакомиться давным-давно, еще в детстве, но сравнивать кого-то с хатрами – неблагоприятное занятие, что прекрасно доказала Четвертая война. А еще Пятая, Шестая, Седьмая и последняя, Десятая.

История Моокрогга ставила своими вехами крупнейшие войны, где сталкивались интересы соседей по материку, так что обрывалась годом подписания мирного договора с Севером – три тысячи сто двадцатым. Нынешний три тысячи сто тридцать восьмой год ничем еще отличиться не успел. Это если смотреть в масштабах страны. Но я бы лучше послужил переговорщиком в катастрофической Первой Войне, чем торчал здесь с этим дурацким экзаменом!

Я в который уже раз попробовал воплотить на практике свежепрочитанное заклинание и с непередаваемым чувством зашипел под нос куда более понятные слова, известные любому, кто хоть раз ронял себе на ногу ящик гвоздей. Бесполезно! Даже если изменить две последние переменные, проклятая формула не работает. Нужно менять центральные или перестраивать саму основу, и я инстинктивно чувствую, как это сделать так, чтобы наверняка добиться нужного результата, но предмет-то называется «Основы классической магии», а не «Десять самых удачных импровизаций никак-не-выпускника Южной Школы»! Бездна б по-

брала эти занудные экзамены, консерваторов-наставников, закосневшие школьные правила, а заодно и магию всех сопряженных пространств вместе взятых!

Скрипнула дверь, в проеме показался тощий зад сокурсника, натужно волочащего какой-то грязный мешок.

– Кого убил? – меланхолично бросил я.

– А, Хаос тебя заberi! Звор! – Сидхар, будущий оракул, от неожиданности подскочил ретивой блохой и выронил добычу, машинально хватаясь рукой за сердце. – Нельзя же так пугать!

– А как можно?

– Никак нельзя! Нет бы хорошее что сказать, а то сразу «убил», «убил»...

Приятель смерил меня укоризненным взглядом, затащил в комнату мешок и, воровато повертев головой в полутемном коридоре, запер дверь на крючок.

– Что это за дрянь?

– Картошка, – пропыхтел Сидхар, ногами подпихивая мешок в угол.

– Вот я и спрашиваю: кого ты за нее убил.

– Свободное время, – скривил губы оракул и принялся отряхивать пыльные ладони и не менее пыльные холщовые штаны, подпоясанные щегольским плетеным ремнем. – Привязалась какая-то девица на торжище, коза у нее, видите ли, пропала. Дойная-удойная, все хозяйство на ней, родимой, держалось, ну, ты и сам знаешь все эти селянские присказки

о краеугольном серпе, прадедом заговоренном на большой урожай, богами ниспосланной несушке и прочих неприкосновенных обитателях амбаров, сараев и огородов. В общем, мне стало жаль бедняжку, но денег у девицы не оказалось, вот я картошкой и взял.

– Лучше б натурой.

– Пойди предложи, – Сидхар критически оглядел себя спереди, выпятив тощую грудь, смахнул пару пушинок с вышитого красной ниткой жилета. – Только место на погосте заранее присмотри, у ее братца кулак размером с кочан капусты.

– Что-то у тебя сегодня одна картошка с капустой на уме. Нет бы грезить втихую о пышнотелых селянках, – я лениво отмахнулся от хиленького светового пульсара, брызнувшего молочно-белыми зернами по стенам. Швыряться «светлячками» умели даже первокурсники, независимо от специализации – это одно из самых простых и одновременно эффективных заклинаний. Убить никого не убьет, но уважение впечатлительных селян обеспечено. – Коза-то нашлась?

– Нашлась, – в голосе оракула зазвучала плохо скрываемая гордость. – Я сначала отказаться хотел, не мой же профиль, тут скорее прорицатель нужен, событие-то в прошлом, а не в будущем; но потом придумал, как можно выкрутиться: прикинул вероятности, покрутил так-сяк, сузил временной промежуток, и вот она, родимая, стоит в мясном ряду.

– Странно, что не лежит в виде супового набора.

– Не все в этом мире такие кровожадные, как ты.

– Да, есть личности и покровожадные. А что с вором?

– Наверное, сосед спер, как водится. Тут уже забота стражи, а не гильдии, хозяева сами разберутся.

– Если успеют добежать до мясного ряда быстрее потенциальных покупателей. Странно, что заплатили тебе раньше, чем добежали... Может там уже и забирать нечего и разбираться не с кем.

– Шестьдесят из ста!

– Я бы за такую вероятность гнутаго медяка не дал.

– Да ты бы отказал несчастной девушке, даже не выслушав! – возмутился сокурсник, чье человеколюбие, на мой взгляд, было грехом почище кровосмесительных браков пустынных. – Подумаешь, какая-то коза, это же не мешок альвийского золота или любимая кобыла градоправителя.

– Ну, тут многое зависит от самой девушки, – хмыкнул я, выразительно двинув бровями: – И того, насколько сильно она желает вернуть свою пропавшую собственность.

– Учи лучше, прелюбодей, – махнул на меня рукой Сидхар. – Или на экзамене баб обсуждать будешь вместо схемы преобразования энергии в условиях магической аномалии?

– Не напоминай, – поморщился я.

– Кто, если не я! – оракул патетично простер руку к обшитою досками потолку, но успел ретироваться до того, как я шарахнул ему вслед боевым пульсаром.

Сидхар, темноволосый и кареглазый уроженец Восточной

Границы, с детства мечтал стать боевым практиком, но не имел совершенно никаких способностей к этому. Ни один маг не может быть специалистом во всех областях, у каждого свой путь развития и способности, которые и составляют профиль. Однако, Сид не желал смиряться с уготованной ему узкой стезей провидца далекого будущего, при случае обзаводясь боевыми артефактами, просиживая штаны на лекциях по общей теории магии или приставая ко мне с вопросами.

Талантливый оракул уже сейчас мог претендовать на хлебную должность в числе штатных магов Хувнтона, об этом открыто говорили все наставники. Перемежая хвалебные речи укоризненными, мол столь почетная должность требует от мага безупречной репутации и высоких моральных устоев (по крайней мере на первых порах). Сидхар внимал, вздыхал, краснел и каялся, выслушивая очередные нотации. Была бы его воля – и о железные принципы востокчанина ломались топоры порока, а репутация сияла ярче нимбов святых Храма. Но воля была моей, а пить Сидхар просто не умел, после третьего стакана наливки превращаясь в бузотера похлеще тролля и ловеласа почище эльфа. Хотя в последнее время приятель активно отбрыкивался от совместных походов в корчму – надвигающиеся выпускные экзамены подействовали на него лучше, чем крест на мракобеса. Впрочем, отсутствие компании в деле посещения злчных заведений меня никогда не останавливало.

В дверь постучали. Я вздрогнул от неожиданности и раздраженно рявкнул:

– Да чтоб вас всех Бездна сожрала! Открыто!

– Завидное гостеприимство, юноша.

– Простите, мастер, – тут же сбавил тон я. – Не думал, что это вы.

– Да, это заметно, – хмыкнул в бороду Дергон, устроился на втором стуле и зашелестел какими-то бумагами, извлеченными мракобес знает откуда.

Любовь директора Дергона к печатному и рукописному слову была необъятна, как Море – помнится, в прошлом году один из бывших выпускников завещал Школе свой архив редких свитков времен Седьмой войны, и, могу поклясться, большего счастья в глазах директора я не видел за все пять лет моих школьных мытарств. Дергон – светлый стихийный маг седьмого уровня, практик, волей обстоятельств ставший теоретиком, уже много лет назад махнул рукой на возможность вписать свое имя в летописи и променял бойкую нежить на не менее бойких студентов. Вслух на это директор не жаловался, но по Школе упорно ходили байки о некоем героическом и бескорыстном светлом маге, изредка благодетельствующем в окрестных селениях под прикрытием зачарованного плаща-невидимки.

Шуршание бумаг резко оборвалось, директор поднял на меня сосредоточенный взгляд:

– Звор, ты не мог не заметить, что в последнее время к

тебе стали предъявлять повышенные требования.

Я рассеянно кивнул. Не сказать, чтобы я когда-то был любимцем преподавателей, скорее наоборот, но недовольная мина мастера Ништы сотоварищи аппетит мне не портила. К тому же не все наставники погружались в пучину черной меланхолии, едва завидев в аудитории мою скромную персону. Главная проблема заключалась в другом: если теория магии худо-бедно держалась в закромах моей памяти, то с практикой дело обстояло куда хуже. Схемы и формулы, столетиями не дававшие сбоев, у меня попросту не срабатывали, заставляя раз за разом изобретать колесо и комбинировать то, что по всем учебникам комбинированию не подлежит. Со стороны преподавателей это выглядело бесконечным бунтом против святая святых классической магии или заносчивым чванством желторотого студента, и провоцировало экзаменаторов на соответствующее отношение к экзаменуемому. А в этом году к обычным неприятностям прибавилась новая – стационарный Источник Школы наотрез отказался делиться со мной добром в виде магической энергии. Генераторы и накопители при этом работали исправно, но пользоваться любого рода «посредниками» на экзаменах запрещалось, рассчитать возможные затраты энергии заранее невозможно, а грамотно распорядиться ею без должного боевого опыта я еще не умел. И, что-то мне подсказывает, ждать несколько часов, пока резерв начнет восстанавливаться сам собой, наставники тоже не будут.

Между тем Дергон вытащил из широкого рукава мантии очередной свиток и с хмурой задумчивостью протянул мне:

– Ну-ка, взгляни.

Я покладисто взглянул. Обычная расшифровка собственного энергетического поля мага, шесть графиков: судя по подписям, по одному за каждый пройденный курс и еще два только за этот год. Узор переплетающихся линий, ничего не говорящий непосвященному, но невооруженным глазом видно, что на каждом графике он разный. Кроме последних двух, значительно потерявших в объеме.

– Обычно такие колебания характерны для становления магического дара, – негромко заговорил директор Дергон, – но никак не для мага, претендующего на пятый уровень силы, и уже определившегося со Стороной, а ты был темным, еще когда впервые переступил порог Школы. Мы с коллегами-преподавателями давно подозревали, что в твоём случае имеем дело с некоей аномалией развития способностей. Оставалось определить, с какой именно: врожденной или приобретенной. Я спрошу снова: есть ли хоть малейшая возможность, что твой магический дар – наследный?

Я оторвал взгляд от свитка, хмуро глянул на директора и качнул головой, ответив, как и пять лет назад:

– Не знаю, мастер Дергон. Может быть да, а может и нет. Я плохо помню свою семью.

– Жаль. Впрочем, это не так уж важно, я спросил скорее из праздного любопытства теоретика магии. Наследственность

тут не играет никакой роли. Точнее, мы до сих пор понятия не имеем, играет ли она хоть какую-то роль. Но для обретения твоих способностей наследственность совершенно необязательна. За это отвечает несколько иная... хм-м... сила, – директор со вздохом развел руками. – Последний график более чем показателен, так как рисунок твоего энергетического поля наконец-то проявился во всей, хм-м, красе. И, благодаря этому, многое становится понятным.

Я хмыкнул и вернул свиток. Редкая же руна мне выпала. И расклад не совсем удачный.

– Единственный северянин потока – и такой сюрприз, – Дергон покачал головой, но чего было в этом жесте больше, разочарования или удивления, я так и не понял. – Обычно маги Северной Границы выбирают Школу Гитска: и к дому ближе, и отношения с Западом у Севера куда лучше, чем с Югом. До сих пор не понимаю, как мастер Олбрин мог счесть тебя востокчанином, здесь же с первого взгляда все ясно...

Я неопределенно пожал плечами. Конечно, светлокожие брюнеты встречались на всех Границах, но меня выдавали характерные резкие черты лица и глаза. Свинцово-серые, холодные как вода в полынье, глаза коренного северянина. В одной из легенд орков говорилось, что глаза первых поселенцев Моокрогга не имели цвета, потому что те пришли из мира, где царила вечная ночь. Но стоило переселенцам увидеть свет здешнего солнца – и он навеки отпечатался в их глазах. Конечно, легенды орков в большинстве своем го-

ворили о самих орках, так что версия выглядела вполне логично – глаза у чистокровных представителей этой расы были желтыми. Что послужило причиной внезапной пигментации радужной оболочки у остальных рас Моокрогга – оставалось только гадать. Люди Юга были в большинстве своем черноглазыми, Восток отдавал предпочтение оттенкам карего, Запад – голубому и зеленому, Северу достался серый во всех своих проявлениях. Исключения, конечно, тоже встречались, чаще всего у потомков смешанных браков и полукровок от иных сущностей.

– Впрочем, тут есть и плюсы. Раз мы определили твой профиль, то теперь все странности в управлении энергией легко объяснимы – каноны классической магии разрабатывались под руку... хм-м... чистокровных представителей доминирующих рас или потомков их смешанных союзов, в общем, тех, кто более всего склонен использовать именно классику, а ты... – Дергон поворачивал кистью, будто пытаясь подобрать нужные слова.

Я мрачно скрипнул зубами. Ну, говори уже, давай. И я со спокойной совестью плюну на мракобесовы экзамены и с первым же обозом уберусь в Прибрежье.

– Ты взаимодействуешь с энергией скорее по хатрским канонам, – вопреки моим подозрениям продолжил директор. – Конечно, если у них эти каноны вообще есть. Никто, кроме самих хатров ничего не знает об их магии.

Ну да, конечно. Дело-то не только в канонах – в конце

концов хатры входят в число «доминирующих рас» и кроме собственной магии прекрасно оперируют классической, что неоднократно доказывали в той же Десятой войне. Я многозначительно помолчал еще минуту, но Дергон явно не соби-рался говорить то, что мы оба знали. Бездна разберет поче-му.

– И... что вы предлагаете, мастер?

– Предлагаю серьезно задуматься о своем будущем. В этом мире для мага открывается масса возможностей, не ограниченных боевой практикой. Впрочем, сейчас твоя главная забота – выпускной экзамен. Об остальном погово-рим после.

Я дождался, пока за директором закроется дверь, смачно, по-орочьи выругался и бессильно ткнулся лбом в столешни-цу. Бездна забери этот мир! На кой цваард я вообще посту-пал в Школу?! В самом деле, напросился бы в какую-нибудь лавку и не мучился. Нет же, приспичило послушать чужого совета и свернуть налево на клятом перекрестке у дворцо-вой площади! С другой стороны, с моим терпением, точнее, отсутствием оного, только в лавке и сидеть. Сегодня в лав-ке, завтра в тюрьме, за убийство очередного привередливого покупателя.

О чем, Хаос его сожри, Дергон вообще собрался разгова-ривать? Тем более после экзаменов. Решил вручить мне ди-плом, чтобы тут же отобрать? Замечательный план, хоть и больше в духе бывшего директора Южной Школы, формаль-

но обязанного принимать в нее всех носителей магического дара, а на деле на дух не переносившего нелюдей. Учиться-то он им не мешал, а вот дипломы вручал весьма неохотно и, если не заваливал на выпускных испытаниях, то пытался подловить на каких-то мелких нарушениях после, грозя запретом практики даже за несвоевременную уплату налогов и строга километры кляуз в совет гильдии.

Скрипнула дверь, но я не обратил внимания, тщетно пытаясь избавиться от торжествующих победу дурных предчувствий.

– Эй, ты чего? Звор! Слышишь? – обеспокоенный Сидхар потряс меня за плечо, заставив поднять голову. – Что-то случилось?

Я мрачно кивнул и пересказал принесенные Дергоном новости – благо много времени это не заняло. Приятель молча слушал, застыв в неловкой позе, потом мотнул головой и не глядя подтянул под зад стул:

– Ты уверен, что это был твой график?

– Думаешь, директор наконец-то впал в маразм и таскается к студентам для деморализации перед выпускным экзаменом? А по ночам со зловещим хохотом подделывает документы?

Оракул вздохнул:

– Хотелось бы согласиться, но... Если бы директор на досуге занимался подделкой документов, то уже купил бы собственный особняк на островах и уволился из Школы к бесо-

вой матери.

– Значит, график настоящий.

– Значит, настоящий. Что будешь делать?

– Пока не придумал. Есть предложения?

– Нет, но... – оракул замялся, чем пробудил у меня подозрения в наличии тщательно замаскированного корыстного умысла. – Я лучше подожду подходящего момента.

– Он может никогда не настать, так что выкладывай.

– Слушай, ты еще ничего...

– Выкладывай, – пресек я очередной поток увещеваний.

Сидхар, за все годы знакомства неплохо узнавший мой характер, тут же пошел на попятный:

– Ну хорошо. Помнишь, на прошлой неделе я предсказал кражу тому мастеру артефактов, Крассу? В общем, сегодня я опять к нему заглянул: хвала Силам, что он отнесся к предсказанию серьезно, и страже удалось быстро схватить вора.

– Но ты, конечно же, предсказывал ту кражу по доброте душевной, потому теперь будешь довольствоваться исключительно горячей благодарностью счастливого лавочника, – не удержался от сарказма я.

– Да, мы и правда не договаривались о гонораре, – кивнул Сидхар, давно привыкший к моим подначкам, – но Красс уважаемый в городе человек и очень известный мастер. Так что помимо благодарности у меня есть и кое-что посущественнее.

– Леденец на палочке?

– Нет, – в тон ответил оракул. – Артефакт на веревочке. Точнее на цепочке. Не взглянешь?

– Я плохо разбираюсь в артефактах, даже фон не всегда ощущаю, ты же знаешь. Почему не спросил, когда брал?

– Я выбирал наугад, по наитию. Было как-то... неловко. Вдруг он очень ценный? Генератор защитного поля или какой-нибудь усилитель боевых пульсаров...

– Или чудодейственное средство от облысения, – покивал я, совершенно не впечатлившись фантазиями сокурсника.

Наугад и по наитию в этом мире чаще всего попадаетесь сплошная дребедень, а вытащить из кучи дерьма бриллиант можно только если ты сперва сам его в эту кучу и засунул. Оракул осуждающе покачал головой в ответ на мой вечный пессимизм и тут же просиял, нащупав что-то в кармане куртки:

– Ага! Нашел!

Выудил искомое, полюбовался пару секунд и торжественно протянул – ну ни дать ни взять орден, дарованный лично правящим монархом при большом скоплении завистливого народа. Только подушечки с кистями не хватает. Я поймал артефакт на открытую ладонь, покрутил перед глазами. Обычная семилучевая звезда из черного серебра, в центре небольшой черный камешек сложной многосторонней огранки.

– Что это, как думаешь?

– Понятия не имею, – пожал плечами я. – На вид что-то

довольно старое, септаграммы для изготовления артефактов перестали использовать еще в Седьмую войну, как бы символично это ни звучало.

– А что за камень?

Я медленно начертил указательным пальцем нужные руны, прямо в воздухе, торопливо развеял две последние – не то! – и осторожно дотронулся до артефакта:

– Опал, если не путаю отзыв.

– Ого, никогда не думал, что они бывают такого цвета...

– Можешь спросить кого-нибудь с кафедры алхимиков, они точнее определяют камни.

– А это что значит? – торопливо спросил Сид. Изящные лучи из черного серебра неспешно наливались оранжевым, равномерная пульсация едва угадывалась. – У меня он не светился. И в лавке тоже, – в глазах Сидхара отразилось подозрение, что «орден» ему подсунули с гнильцой, но ни один нормальный студент магической школы не откажется от дармового артефакта, будь тот хоть трижды проклят самим Вечно Мертвым.

– Почувствовал что-то, вот и активировался.

– Что именно?

– Не знаю. Обычно артефакты реагируют на создателя, носителя или то, для чего предназначены. Что говорит твое наитие на этот счет?

– Ничего, – покачал головой оракул, на всякий случай прислушавшись к ощущениям.

– Странно, – хмыкнул я. – Обычно из тебя так и сыплются пророчества о конце мира.

– Тебя бы оно порадовало? – поджал губы Сидхар, болезненно реагирующий на любое упоминание о специфичности своего дара.

То, что на первых курсах можно было счесть досадным недоразумением, постепенно становилось системой. Конечно, увидеть востокчанин мог и хороший урожай репы, и смерть любимой тетушки заказчика – вероятности развития событий открывались перед ним по-прежнему легко, – но с высокой точностью был способен предсказывать только негативные. То, что репа вызреет – тридцать процентов из ста. А вот тетушка отойдет в Сопредельный мир уже с вероятностью в восемьдесят-девяносто процентов. Такая специфика дара снижала спрос на него – не каждому охота слушать пророчества о падеже скота, побитой градом пшенице, разграбленном обозе или бесплодии будущей супруги. Хотя, если заменить почившую тетушку тещей – клиентуры поднаберется, хе-хе...

– Извини, Сид.

– Ерунда. Я начинаю привыкать к мысли, что войду в летописи с прозвищем «черный вестник Моокрогга».

– Объединим усилия? Ты будешь предсказывать народу гадости, я исполнять их.

– Отличное предложение. Только чур разбираться с последствиями тоже будешь ты.

– Почему это?

– Судя по графику Дергона – у тебя получится лучше. Так что с этой подвеской?

– Предлагаю тебе сходить к тому прославленному лавочнику и спросить, он наверняка знает, чем торгует, – я протянул артефакт Сидхару, но приятель поспешно отстранился и для верности спрятал ладони под мышками. – Брось, Сид, ну светится, подумаешь, не взрывается же...

– Вот не хватало, чтобы еще и взорвалось! Знаешь, бери-ка ты его себе, Звор.

– Хм... Если ты насчет облысения, так мне вроде бы ровнато...

– Артефакт засветился у тебя в руках, значит реагирует на твое поле, – взгляд оракула внезапно стал серьезным. – Я выбирал, положившись на свой дар, значит он должен был попасть именно к тебе.

– А если б не засветился, ты совал бы его всем встречным-поперечным?

– Прогнозируемая вероятность пятьдесят при переменной к шестидесяти трем, – щегольнул знаниями востокчанин, но пропали они втуне – как и большинство боевых практиков я понятия не имел о тонкостях расчетов предсказаний и вероятностей. Зато немало знал о причинах внезапной щедрости обитателей этого мира.

– А может этот твой Красс просто спихнул тебе бракованный товар? Ну-ка вспоминай, он, случаем, не сильно радо-

вался твоему выбору? Может как-нибудь подмигивал подозрительно, бровями шевелил, ухмылялся, хихикал в кулак, сквалыжно потирал трясущиеся потные ручонки?

– Я уже говорил, что Красс – известный мастер и очень уважаемый человек, он дорожит своей репутацией! – возмутился моим грязным инсинуациям Сидхар. – И, между прочим, закончил кафедру алхимии в нашей Школе!

– И что? Хочешь сказать, диплом Хувнтонской Школы дарует индульгенцию? С выпускного и до смертного одра?

– Как ты только дожил до двадцати трех с таким характером!

– Может и не дожил, – меланхолично пожал плечами я. Кивнул в ответ на изумленный взгляд оракула. – В смысле – может и не до двадцати трех. Я знаю только примерную дату своего рождения. Плюс-минус пара лет.

– И говоришь мне об этом только сейчас?!

– А что тут такого? В мире полно людей, которые не знают собственных родителей, не то что какую-то кучку бесполезных цифр. Да и какая разница? Арканам и закланиям все равно, кто их строит – столетний старец или двенадцатилетний юнец, главное векторы не перепутать.

– Ну знаешь... Ладно, дело твое. Но в лавку мастера Красса я точно не пойду и ни в каком заговоре его подозревать не стану, как бы плохо ты не думал об окружающих. В крайнем случае спрошу у кого-нибудь из ребят с кафедры алхимиков, помогает ли эта штука от облысения.

– Если бы помогала – то просто так бы на прилавке не валялась, – я спрятал септаграмму в подвязанный к поясу карман и решительно поднялся из-за стола.

– Куда собрался? – сдвинул брови Сидхар.

– К директору Дергону. Поболтаем, что делать с бесовым графиком.

– Отлично! Заодно и про артефакт спроси! – крикнул мне в спину оракул.

– Обязательно, – буркнул я, только чтобы отвязаться. По правда говоря, артефакты меня сейчас интересовали в последнюю очередь.

Небо неспешно наливалось фиолетовыми чернилами подступающей ночи, пока что едва заметными на фоне оранжево-желтого заката. Необычный для столицы Юга холодный ветер любопытно перебирал страницы книги, забытой на прилавке. Моложавый мужчина лет пятидесяти чуть сощурил карие глаза коренного востокчанина, привычным движением пригладил щеточку аккуратных рыжеватых усов.

«Ветер, значит...»

Едва заметно усмехнулся своим мыслям. И произвольно вздрогнул от внезапно раздавшегося голоса:

– А не посоветуете ли мне, мастер, парочку накопителей, да побольше? Чтобы аж до самого Гребня Скальнарго хватило.

– Простите, уважаемый, на сегодня... – торговец осекся, рассмотрев темнеющую на пороге лавки фигуру. Укоризненно сдвинул брови. – Хидан. Прекращай паясничать.

Оранжево-желтые глаза пустынного, ярко выделяющегося на фоне смуглой кожи, смешило заблестели:

– А может я серьезно.

– Зачем тебе накопители? – вздохнул мужчина и принялся осторожно укладывать в большую холщовую сумку оставшиеся на прилавке артефакты. – С объемами твоего-то резерва.

– Просто захотелось внести свою скромную лепту в ваше благородное дело. Пару монет на благо революции, так сказать, – юноша подпрыгнул и уселся на краю поцарапанной доски, любопытно подтянул книгу, перелистнул взад-вперед несколько страниц. – Не знал, что вы говорите поэльфийски, уважаемый мастер.

– Только читаю на современном диалекте. И ты должен был найти Бирхеля, а не разгуливать по городу у всех на виду.

– Я его нашел. И чем вам не нравится мой вид? – Хидан, насмешился, пригладил длинные, до самого пояса, серебристые волосы. – Одет вроде прилично.

– Зато ведешь себя как босяк, впервые попавший в цивилизованный город.

– Ну, уважаемый мастер, я же из восточных пределов пустыни, там не в чести придворный этикет. Но с кем-то

из южных вам было бы куда сложнее договориться.

– Твои южные соплеменники в большинстве своем вообще не умеют говорить, – мужчина потер поясницу и ткнул пальцем в сторону собранной сумки. – Бери и идем.

Юноша прыгнул с прилавка и, подхватив сумку, вышел за дверь. Дождался, пока его спутник запрет лавку и начертит на двери несколько замысловатых охранных рун, неторопливо зашагал следом:

– Куда идем?

– Туда, где нас увидит как можно меньше народу. Что ты сказал Бирхелю?

– Отдал двусторонний передатчик и наказал ждать сигнала.

– Отлично.

– Зачем он вам понадобился, уважаемый мастер? Не самый сильный практик этого мира, да еще и не рискующий соваться на тракт – слишком любит пыльную кабинетную работенку.

– Каждый из нас занимает именно то место, какое должен занять.

– О-о-о, звучит весьма поэтично, – Хидан ловко обогнул старика, с кряхтением собирающего рассыпавшиеся по всей улице яблоки, неуловимо быстрым движением подхватил одно и спрятал в карман длинной куртки пыльно-коричневого цвета. – Что будет, если кто-нибудь из нас покинет это место раньше назначенного срока?

– Хочешь уйти? – удивленно покосился на пустынного рыжеусый. – Мне казалось, ты как раз из тех, кто идет до конца.

– О, я и сам пока не знаю, из каких я, – тонко хихикнул юноша, перекинул на другое плечо тяжелую сумку. – Верите или нет, уважаемый мастер, я внезапно понял, что до сих пор нахожусь... как это у вас говорится... на распутье. Да, конечно, я знаю, какая из двух Сторон мне нравится больше, знаю. Но что мне делать с ней дальше... вопрос.

– Ты поэтому и пошел с нами?

– О, ну конечно же нет! Стоит мне ответить что-нибудь кроме: «Я искренне верую в ваши цели и методы, господин», как вы поджарите меня каким-нибудь вульгарным пульсаром.

Мужчина вздохнул и покачал головой, слушая легкомысленный смех собеседника. Пустынный не был ни дураком, ни сельским повесой, впервые оказавшись в большом городе. Привычно менял личину за личиной, безошибочно выбирая наиболее подходящую к моменту, сыпал ни к чему не обязывающими фразами и сверкал простодушным бахвальством, вынуждая собеседника терять контроль и бдительность, говорить то, что он не собирался говорить, делать то, что не собирался делать. Так меняет свой окрас барханная гадюка, подбираясь к жертве на расстояние броска.

«Закрываешь союз с огнем – будь готов к пожару», говорили на Востоке. А если с ветром? К буре? Урагану? Штор-

му? Выюге, смерчу, шквалу? Обличий опасности больше, чем поросших ковылем курганов в Великой Степи.

«Но с ним будет куда проще, чем без него, – мужчина пригладил одной рукой короткие рыжеватые волосы. – А после... Мало ли что может случиться после».

– Передай Бирхелю, что мы будем ждать его в «Спящем соколе». Пусть убедится, что за ним никто не следит. И приходит как можно быстрее. Сидеть в этой дыре долго выше моих сил.

– Настолько плохо готовят? – приподнял брови юноша.

– Сам поймешь, когда придем.

– О, тогда давайте поспешим, мастер, иначе я сгорю от любопытства.

Дергон, увлеченно что-то писавший, поднял голову от свитка и вопросительно вздернул брови:

– Судя по выражению лица, ты решил сознаться в убийстве правящего монарха.

– Э-э... нет. Пока что нет. Хотел... поговорить.

– Вот как. И о чем же?

– О перспективах.

– Перспективах, – усмехнулся маг, спрятал в верхний ящик стола свиток и сложил руки на животе. – Что ж, для начала скажу, что в своей практике я не раз встречал молодых практиков с сильно развитыми врожденными способностями. И не всегда это восприимчивость к пространственной

магии, ускоренная регенерация или обостренная интуиция, выходящая на один уровень с предвидением. Конечно, здесь случай иной, но это не приговор твоей карьере. Ты без особых проблем добрался до четвертого уровня силы и вполне способен подтвердить пятый. Это уже немало, ложный дар, например, не даст магу подняться выше третьего-четвертого уровня. На боевой практике свет клином не сошелся, Звор. Понятно, что поступал ты сюда именно ради нее, большинство студентов видят себя боевыми практиками, но до выпуска добирается хорошо если каждый девятый. Часть переходит на другие кафедры, кто-то разочаровывается в себе или профессии, у кого-то не хватает упорства, таланта, физических или моральных качеств. Я и сам, как видишь, занимаюсь теорией. И нахожу это занятие не только полезным для общества, но и весьма интересным.

– Мастер Дергон...

– Да-да, знаю! – замахал руками директор. – Мой пример совсем не показатель. В конце концов мне уже почти пятьдесят, а тебе немногим за двадцать. Но я, в отличие от тебя, обычный стихийный маг, коих в этом мире абсолютное большинство. А ты – урожденный некромант Неметона Скальнарго. Понимаешь, что это значит?

М-да, странно осознать, что ты, оказывается, и есть тот, о ком битый час разглагольствовала на занятиях мастер Ништа. Лестного, признаюсь, было мало. Если было вообще.

– Я ходил на лекции, – пришлось в конце концов что-то

ответить, вопрос оказался не риторическим.

– С этим я могу поспорить, – ехидно заухмылялся Дергон. – Да и не только я, а практически весь преподавательский состав Школы. Но тем не менее я рад, что мне не придется повторять тебе прописные истины. Урожденный Неметона – исключительный боевой практик, обладающий при этом завидными умениями и способностями, но, чтобы их обрести, нужно раскрыть свой дар. Полностью. А делается это посредством весьма специфических, хм-м, ритуалов, провести которые не каждый способен. Совет Триумvirата совершенно точно на это не пойдет, слишком опасно – нет никаких гарантий, что твое сознание справится с такой нагрузкой. Поэтому мой тебе совет: удовольствоваться тем, что есть. Четвертый уровень для штатного городского практика – прекрасная рекомендация.

Я хмуро кивнул. Всего было принято различать десять уровней силы, которой владели маги. И если до восьмого и девятого – магистра и архимага, соответственно, – дотягивали максимум трое из ста претендентов, то до последнего – единицы из тысяч. Стать адептом одной из двух Сторон было хрустальной мечтой большинства студентов. Практически недостижимой мечтой.

– Конечно, в обычных обстоятельствах я бы посоветовал тебе не ограничивать себя, ты весьма талантлив, хоть и не всегда прилежен, но, – с сожалением покачал головой Дергон, – развивать твой дар слишком опасно. И для тебя само-

го, и для окружающих. Ну-ну, не делай такое лицо. Четвертый уровень не приговор карьере, отнюдь, в Хувнтоне есть много мест, где маг твоего...

Я машинально кивнул, перестав слушать. Хувнтон – самый большой город материка, но даже здесь практику четвертого уровня не светит ничего, кроме проверки подлинности магических печатей, поиска потерянных побрякушек, наложения простеньких заговоров или бесконечного перебирания бумажек в архиве. На теневой стороне закона можно заработать побольше даже с низким уровнем, но дело-то не только в деньгах...

– Ты меня слушаешь?

Я вздрогнул, застигнутый врасплох:

– Простите, мастер. Но я учился пять лет и...

– Знаю, знаю, – помахал рукой Дергон. – На твоём месте мне тоже было бы обидно, но пойми, Звор, максимум, на что согласится совет Триумvirата – это засчитать тебе результаты выпускных экзаменов на подтверждение пятого уровня силы, – директор снова взмахнул рукой, на этот раз опередив мой вопрос. – Секретарь уже отправила все документы в Дьюкрогг. Это стандартная процедура перед выпускным экзаменом. А без одобрения совета ты не сможешь считаться полноправным членом гильдии магов, а значит...

Я снова перестал слушать. За пять лет учебы умение пропускать мимо ушей длиннющие нотации директора Дергона стало абсолютно автономным, включаясь подсознательно.

Нотации внешние с лихвой компенсировались у меня размышлениями внутренними, отвязаться от которых было не так-то просто.

Четвертый уровень или пятый – разницы никакой, если выше все равно не подняться. Да, без одобрения совета легальной практики мне не видать, а для нелегальной лучше ехать на Запад – на побережье и доходнее, и безопаснее, хоть и конкурентов наверняка хватает. Впрочем, руки у Триумвирата не менее длинные, чем у королевской тайной службы, и до Моря дотянутся, если захотят... Совету не нужно неуправляемое оружие. А если оно будет упорствовать – они найдут способ обезопасить себя и окружающих. В конце концов, это в интересах самого оружия.

Триумвиратом гильдия магов называлась исторически, в честь межрасового союза трех ее основателей, и как любая гильдия имела собственный руководящий орган – совет, состоящий из тринадцати выборных магов. В числе прочих там числились и два классических некроманта: архимаг Даксар – мрачный бородатый субъект неопределенно-престарелого возраста; и магистр Ксниил, чье темное прошлое было самой обсуждаемой темой в Школе, где он вел непрофильный для себя предмет, теорию пространств. Думаю, в моем случае, вечные соперники впервые сойдутся во мнении – такой конкурент на собственном поприще им вряд ли нужен.

На сей раз я вовремя вынырнул из пучины собственных мыслей, пропустив пресное основное блюдо, но успев к де-

серту.

– ... и посоветуюсь кое с кем из коллег, уверен, нам удастся подобрать тебе занятие поинтереснее проверки подлинности печатей или заговора складских крыш от протекания. Может быть даже в приемной градоправителя или в штате посла к Восточной Границе, ты вроде бы хорошо ладишь со степняками. Согласен?

– Да, – я коротко вздохнул (спорить бесполезно), попрощался и уже почти переступил порог кабинета, как вдруг вспомнил о треклятой подвеске. – Мастер Дергон...

– Слушаю? – директор поднял взгляд от очередного свитка, материализовавшегося, похоже, прямо из воздуха. Бумага недовольно мигнула и исчезла, слившись со столешницей.

– Не подскажите, что это такое? – я подошел к столу и достал из накладного кармана артефакт. Тот резко выбросил пучок красноватого света и снова ровно запульсировал оранжевым.

Дергон недоверчиво сдвинул брови:

– Ну-ка, подойди ближе...

Осторожно вытянул правую руку ладонью вниз, мягко перебрал пальцами, не прикасаясь к подвеске. Пригладил бороду, покачивая головой:

– Откуда это у тебя, Звор?

Я пересказал то, что услышал от Сидхара. Темно-карие глаза Дергона вспыхнули азартом охотника, напавшего на след подраненного лося.

– О-о-очень интересно, – протянул маг, ощупывая взглядом артефакт. – Обрати внимание на камень в центре. Это черный опал. Редкость сама по себе, но необычна также и огранка, она двадцатисторонняя. Если приглядеться, можно заметить, что каждая пара углов находится на одной линии. Сейчас такую форму не используют, секрет разметки давно утерян, разве что кто-то из старейших гномов или альвов вспомнит. Камни с подобной огранкой раньше использовали в формулах Призыва, заменяя ими все необходимые переменные. То есть от мага требовалось только обеспечить камень подходящим количеством энергии и ждать результата. Конечно, это было далеко не единственное применение подобных изделий, но единственное из тех, что подробно описаны в дошедших до нас трактатах.

Я медленно кивнул, осторожно убрал разогревшийся артефакт обратно в карман. Призыв? Ну, это куда лучше самоактивирующегося Потока Стихии или маяка Врат Бездны.

– И он определенно реагирует на твое энергетическое поле. Любопытно, очень, очень любопытно...

– Думаете, это из-за моих... врожденных способностей?

– Не исключено, – Дергон откинулся на спинку стула. – Твоя весьма интересная находка навела меня на одну мысль. Сделаем вот что: сегодня ближе к полуночи отправляйся в Круг Силы, помести артефакт в центр контура, дождись активации и понаблюдай за ним какое-то время. А я тем временем подготовлю теоретическую базу для эксперимента. Фа-

культуративное исследование добавит тебе очков на выпускном экзамене и наверняка повысит авторитет в глазах будущих нанимателей.

– А если тот, кто явится следом за активацией этой фи-
тюльки, не согласится стать практической базой для моего
факультативного исследования?

– Поле Круга Силы способно сдерживать большинство из-
вестных существей.

– Что делать, если явится кто-то менее известный?

– Не заключать никаких сделок и соглашений, – резко ру-
банул воздух ладонью Дергон. – Неважно столь привлека-
тельными тебе покажутся условия.

– Не думаю, что хоть кому-то из обитателей сопряженных
миров понравится ложный вызов...

– На этот случай в защиту Круга встроены дополнитель-
ные переменные и экстренный телепорт на территорию Шко-
лы, вам должны были показывать его во время практиче-
ских занятий по Призыву. Впрочем, не думаю, что тебе что-
то угрожает, у дежурной смены достаточно опыта, чтобы
предотвратить любое происшествие в Круге, для того они
там и поставлены. В позапрошлом году, например...

Я молча кивнул, пропустив мимо ушей очередную поучи-
тельную историю. Разобраться, как работает эта странная
штуковина и наконец-то распрощаться со Школой? Нет ни-
чего заманчивее в этом мире.

За время моего отсутствия Сидхар успел переодеться и поднакопить вопросов, на большинство из которых у меня не было ответов. Но в любом споре есть шанс обрести истину, поэтому я только вздохнул и плюхнулся на кровать спиной к стене, даже не пытаясь сбежать от дружественного допроса.

– Ты уверен, что сможешь контролировать этот артефакт? Как его активировать? Что сказал Дергон насчет экзамена? И насчет графика? Ты и в самом деле ничего не помнишь о своей семье? Мне-то можешь рассказать!

– Нечего рассказывать, Сид, – я решил начать с самого простого. – Никаких таинственных символов над колыбелью, пророческого шепота из темных углов нужника, подозрительных кровавых пятен на полу или посторонних демонов в подполе с картошкой. Моя семья – беженцы с Северной Границы, но вырос я на Востоке.

– Значит, Дергон может оказаться прав...

– Может. Но это ничего не изменит. Наследственность тут не главное.

– Вот ей-ей, считал это байками, минимум наполовину, – покачал головой сокурсник и сел рядом на скрипнувшую кровать. – Слишком редкий профиль мага. Говорят, мало кто из урожденных доживает даже до совершеннолетия, не знает почему...

– Напекаешь, что я подзадержался в этом мире?

– Напекаю, что тебе стоит побольше узнать о своем профиле, и только потом принимать какие-то решения. Не знаю,

что тебе рассказал директор Дергон, но может стоит спросить еще кого-нибудь?

– Кого, например? – саркастически хмыкнул я. – Мастера Ништу? Совет Триумvirата? Или наместника Северной Границы? А может, ту гадалку с дворцовой площади, которая на позапрошлой неделе предсказала министру финансов долгую дорогу и казенный дом? Кстати, куда-то она после того предсказания запропастилась...

– Я серьезно, Звор!

– Я тоже. Увы, но под дверью Школы не толпятся желающие посвятить первого встречного в тайны магической иерархии Северной Границы.

– Думаешь, это тайное знание? – глаза Сидхара вспыхнули мальчишеским интересом.

– Какая-то часть нет, – пожал плечами я. – Иначе бы совет Триумvirата вообще не знал о существовании урожденных, а мастер Ништа не включала бы их в свои лекции об аномальном развитии способностей. Но я руку даю на отсечение, что известно им всем меньше половины. И меньше половины из известного достоверно.

– Наверняка ты этого не...

– Сид, ты помнишь хоть одного урожденного в совете гильдии? – перебил я. – За три с лишним тысячи лет в составе совета Триумvirата перебивали представители почти всех рас и обеих Сторон. И темные, и светлые, и люди, и нелюди, стихийные и не-стихийные маги, жители материка

и островов, с истинным даром и разными аномалиями развития способностей. Не было только шаманов, так как их не принимают в гильдию, носителей ложного дара, потому что советника четвертого уровня любой упырь сначала засмеёт, а потом задерет, и урожденных Севера, хотя просто северяне с истинным даром там и сейчас заседают. Совет Триумvirата – не просто кучка магов, которые по какому-то древнему и всеми забытому праву вершат законы. Это – избранные представители гильдии. Лучшие из тех, кого можно в этой гильдии встретить.

– Думаешь, директор лукавит, и в гильдию тебя все равно не примут? – нахмурился востокчанин. – Только потому, что у тебя такой профиль?

– Скажем прямо – нормально к урожденным Севера относится только сам Север. Так было всегда и вряд ли изменилось за прошедшие сутки.

– Брось, Звор, что с того, что у тебя немного другие способности? Все маги этого мира делают одно дело, неважно насколько «чистый» у них дар.

– Идеалист, – хмыкнул я.

– Пессимист, – ответно фыркнул оракул. – Ты даже не пробовал, а уже уверен, что весь Моокрогг, во главе с директором Дергоном, будет гоняться за тобой с вилами, пока не загонит обратно на Север.

– Мне не надо пробовать, чтобы это знать.

– Откуда? Ты и сам только что узнал о своих способно-

стях!

– Скорее понял, чем они объясняются, – мрачно поморщился я. – Как и директор Дергон. Который первым делом побежал докладывать обо мне Триумвирату, а уже потом за-
явился раздавать советы.

– Мне кажется или ты просто ему не доверяешь?

– Не кажется. И это взаимно. Так что его внезапное участие в моей незавидной судьбе настораживает, а не радует. И результат будет точно не в мою пользу. А вот что получит при этом Дергон – вопрос интересный.

– Что ты...

– Я не для того пять лет горбатился, чтобы до конца миров подметать пыль в канцелярии, Сид. Я поступил в Школу, чтобы стать боевым практиком. И стану. Но на своих условиях, а не на условиях директора Дергона, совета гильдии или каких-то бесовых графиков. И если официально это сделать не получится – всегда есть неофициальный путь.

– Вот это совету гильдии точно не понравится, – качнул головой Сидхар.

– Хватит каркать. Идешь со мной или прозябаешь в неведении?

– Ты все равно хочешь активировать артефакт?

– Естественно. Директор Дергон, человек, в принципе не склонный к авантюризму, вручает непредсказуемому магу-недоучке неизвестный артефакт и под надуманным предлогом отправляет в Круг Силы без своего присмотра и под-

держки. Вывод?

– Ты одержим теорией заговора?

– Он видит в этом выгоду. И я хочу знать какую. Так идешь?

Оракул вздохнул, но спорить дальше не стал, просто молча поднялся на ноги и снял с крючка куртку.

Едва слышный гул работающего артефакта перебила короткая трель. Сидящий в полумраке грота человек не глядя поднял руку, на его вытянутый указательный палец опустилась маленькая серая птичка с оранжевой грудкой, замерцала всем тельцем, потом вспыхнула крошечным солнцем и исчезла. Гул артефакта сменился осторожным покашливанием.

– Весьма изящно, – оценил изобретательность незримо-го собеседника человек. Повернулся лицом к артефакту-передатчику, представляющему собой самородный аметист размером с ладонь – гладкий, будто шлифованный, обточенный одной из аномалий дальних островов до опалесцирующего блеска.

– Лучше бы обсудить такое лично, но обстоятельства неподходящие, – голос, казалось, раздался из самого камня, эхом отразился от сводов грота, но это всего лишь побочный эффект маскировки канала передачи. – Носящий оказался магом. Не особенно сильным, едва дотягивает до пятого уровня.

– Но? – безошибочно почувствовал недосказанное мужчина.

– Он урожденный Неметона.

– Значит, Север, – человек замолчал, постукивая указательным пальцем по переносице. Потом кивнул, приняв какое-то решение. – Будет немного сложнее, чем я планировал, но и к такому развитию событий мы готовы. В любом случае, я не хочу упустить шанс договориться миром. И делать это желательно не под носом у хатров.

– Не беспокойся, найдем более подходящее местечко для переговоров.

– Главное – результат.

– И за него не волнуйся. Как говорят на Востоке: «где не слышны слова – поёт золото».

– Думаешь, добиться цели подкупом в данном случае вообще возможно?

– Подкуп не обязательно должен быть чем-то материальным. Не знаю, кем окажутся остальные трое, но мальчишка темный, им понятнее всего язык силы или выгоды. Наверняка сойдемся в цене.

Мужчина с сомнением покачал головой, прекрасно зная, что собеседник не сможет это увидеть. Голос же звучал по-прежнему спокойно:

– Не спускай с него глаз. Я отправлю весточку остальным, пора переходить к следующему этапу нашего плана.

К полуночи мы добрались до западной окраины города. Народу на улицах значительно поубавилось, темноту расцвели фонари и факелы, двери питейных заведений уже начинали закрываться, их засидевшиеся посетители разбредались по домам или другим заведениям, открытым до утра и предлагающим несколько иные развлечения, помимо крепкого пошла и немудреной закуски. До того, как поступить в Школу, я почти шесть лет провел на улицах этого города, поэтому и сейчас чувствовал себя спокойно. Сидхар, не особенно любивший ночные прогулки по столичным выелкам, подозрительно вглядывался в каждый угол, словно ожидая увидеть там по меньшей мере банду головорезов. Я не спешил разочаровывать приятеля новостью, что все уважающие себя головорезы давным-давно заседают в монаршем совете или бречат магистратскими цепями над ухом градоправителя. А то и шуршат шелковыми мантиями в суде, тоже весьма хлебное местечко.

Хувнтонский Круг Силы – искусственно выстроенный силовой контур, подпитываемый несколькими мощными генераторами энергии и использующийся студентами для отработки магических плетений – составляли семнадцать рунических камней выше человеческого роста, укрепленных стоймя на плотно утоптанной площадке, расположенной так далеко от домов, как позволяла городская стена. Еще один камень, такого же размера, вместо рун изрезанный сложным сочетанием кругов и треугольников, лежал в центре – плос-

кий, продолговатый, формой напоминающий лист рогоза.

Прохладный ветер мягко шевелил волосы, Сидхар находился у одного из камней, зябко спрятав руки в карманы куртки, и буравил взглядом чернеющую в отдалении городскую стену. Я прилежно вслушивался в собственные ощущения, пытаясь выделить что-нибудь необычное. Артефакт перестал светиться и лежал в центре Круга мертвым черным кругляшом. На неразличимой в темноте дозорной башне вспыхнул и тут же погас оранжевый огонек. Сидхар отлепился от камня:

– Слушай, может стоило подождать дежурную смену?

– Ерунда. Уж с активацией артефакта я справлюсь и без нянек Триумвирата.

– Работать с Кругом без надзора может только официальный практик.

– Из любого правила есть исключения.

– Да. И из Школы тоже, – саркастически хмыкнул оракул. – Именно это и грозит за нарушение ее устава.

– Не знаю, не читал.

– И почему я не удивлен? – горестно вздохнул Сидхар, одной рукой взлохматил и без того растрепанные волосы. – Слушай, может, ты что-то неправильно делаешь?

Я пожал плечами:

– Может быть. У нас было всего две лекции по работе с искусственными силовыми контурами и обе я проспал.

– Так спросил бы у директора! Это же была его идея!

– Если бы для активации требовалось принести в жертву пару девственниц, он бы мне и так сказал. А раз не сказал, значит, Круг активируется сам, как и его естественные собратья.

– Ну так не активируется же! – справедливо возмутился оракул. – Кинь в него пульсаром, что ли.

– Пульсарами круги точно не активируются.

– Откуда тебе знать, ты же не ходил на лекции, – съехидничал Сидхар.

– Ходить на лекции не обязательно, достаточно мыслить логически, – отмахнулся я. – Дергон сказал, что нужно просто подождать.

– И сколько?

– Сколько – не сказал.

– А кто тебе мешал спросить?!

– Слушай, если надоело тут торчать – возвращайся в Школу, сам справлюсь, – я раздраженно шагнул в Круг и взял артефакт в руки, жалея о том, что не надел куртку – редкий для Хувнтона холодный ветер уже вовсю резвился под рубашкой.

– Не трогай! – отчаянно взвыл Сид.

Поздно.

Центральный камень низко загудел, и в следующую секунду меня отбросило в сторону мощной струей перегретого воздуха. Больно треснувшись затылком, я некоторое время наблюдал непроницаемую тьму, из которой, искра за искрой, проступал огненный вихрь, танцующий в самом серд-

це Круга. Я медленно поднялся на ноги, по-прежнему сжимая в кулаке артефакт. Проклятье! Маг четвертого уровня один на один с неизвестным источником силы? Только я мог согласиться на подобную авантюру! Вот смеху будет, если в кабинете директора я по рассеянности пропустил мимо ушей что-нибудь жизненно важное, вроде предложения взять с собой для подстраховки парочку архимагов! Может Сидхар прав, и я просто одержим теорией заговора?

Вихрь, словно живой, переливался всеми оттенками пламени, от оранжевого до голубовато-белого. Жутко красиво и наверняка столь же опасно. Сид, цепляясь за камни Круга Силы, подобрался ко мне и заорал в ухо:

– Что это за дрянь?!

Обличающий палец ткнул в плещущий сгусток энергии.

– Понятия не имею! Я ничего не делал, просто взял в руки артефакт, твой, между прочим!

– Ничего подобного, твой! Засунь *это* обратно!

– Как?!

– Как угодно! Вечно сотворишь какую-нибудь пакость, а достается обоим!

– Я?! Это ты у нас великий чародей, лезешь в каждый аркан!

– Я никуда не лез! Это тебя мракобесы понесли в Круг!

– А ты прям предсказать не мог!

– Я и предсказал!

– До того, как я взял в руки эту клятую железяку!

– Уж извини, как смог, так и предсказал! И вообще, я не виноват, что ты сначала делаешь, а потом думаешь!

– Когда это такое было?

– Только что!

Мы орали как два петуха на заборе, попеременно тыкая пальцами в магическую аномалию. Внезапно гул пламени стал тише. Я торопливо обернулся, изумленно моргнул – это что еще за холера? Прямо на нас из огненного вихря таранились два больших узких глаза. Сидхар нервно хрюкнул и попятился. Я шагнул вперед, заслоняя оракула.

«Чего ты хочешь, человек?» – гулко прозвучало в сознании.

Ох, проклятье! Еще и телепат не чета мне... Руки предательски похолодели, но бежать еще глупее, чем остаться на месте. Попробуем договориться?

– Кто ты?

Мысленным диалогом, иначе называемым первичной телепатией, я худо-бедно владел, но почему-то не воспользовался. Наверное, со стороны это здорово смахивает на помешательство – реплик моего собеседника никто, кроме меня, не слышит.

«Ты знаешь, кто я. Ты сам призвал меня».

– Я никого не звал.

«Тогда ты умрешь. Никто не смеет бесцельно тревожить покой Хранителя Пламени Мертвых».

Проклятье, вот только этого и не хватало! Ашхатор, выс-

ший демон стихии Огня. Не уверен, что даже у Дергона хватит сил от него отделаться, с высшими предпочитают договариваться и опытные демонологи, не рискуя выходить на «честный бой». Исход такого боя в большинстве случаев будет не в пользу мага.

От Сидхара помощи ждать нечего. А демонолог из меня, как из козла дудочник. И куда, скажите на милость, Бездна унесла дежурных, которые обязаны обеспечивать покой местных жителей, не допуская в Круг ушлых студентов, способных вызвать, ну, например, какого-нибудь древнего и не особенно дружелюбного демона?! Отвлекли бы гада, что ли, помельтешили под носом, пошвырялись боевыми пульсарам и ледяными копьями, а я бы тем временем нашел и активировал этот Хаосом проклятый экстренный телепорт до Школы!

В этом мире ни на кого нельзя положиться. Все приходится делать самому.

– Сид! Найди портал! Живо!

Я вскинул руку в исходном пассе. Руку с артефактом. Взгляд Ашхатора скользнул следом.

«Печать...»

Вихрь энергии начал стремительно обретать форму. Вот из пламени появилась длинная узкая морда с раскосыми оранжевыми глазами, вертикальные изумрудно-зеленые зрачки не отрывались от моего лица. Длинная драконья шея, мощные трехпалые передние лапы с изрядными когтями и

пятипалые задние, по-змеиному вытянутое туловище и толстый хвост. Демоны редко бывают симпатичны, но Хранитель Пламени Мертвых был красив. Пугающей, жестокой красотой беспредельной мощи. Пламя укоротилось до размеров небольшого лесного костерка, отражаясь от черной с золотыми искрами чешуи, а после исчезло, словно впитавшись в гибкое тело. Узкая морда протянулась ко мне, демон опустил на четыре лапы.

«Эта Печать, как она к тебе попала?»

Длинный раздвоенный на конце язык хлестнул по морде, от блестящей чешуйчатой шкуры отскочили колючие искры. Я не двинулся с места:

– Просто... случайность, клянусь. Можешь забрать, если хочешь.

Демон обнажил клыки до самых десен, прищурился и протяжно захрюкал. Выглядело жутковато, но у меня немного отлегло от сердца. Смеющийся демон ничуть не лучше безмолвного, но, по крайней мере, он занят не нападением, что не может не радовать.

«Печать бесценна для всех в твоём мире. Но это ты должен отнести ее на Престол, я не буду выполнять твой долг за тебя».

Я на всякий случай тряхнул головой, но понятнее не стало. Долг? Когда и главное кому я успел так задолжать? И чей престол имеется в виду? На материке их по меньшей мере четыре, а там если копнуть... Может, эта штукovina, ко-

торуую демон назвал Печатью, банально проклята? И теперь мой «долг» свежепроклятого носителя поскорее избавиться от нее, подкинув под сидалище ближайшему правителю? Но ни я, ни Сид не почувствовали ничего подозрительного, да и вряд ли бы уважаемый торговец артефактами рискнул держать на прилавке нечто подобное. Впрочем, зная склонность оракула находить неприятности не только на свою голову...

«Решение за тобой, Носящий. Я буду ждать твоего слова. Сейчас не время и не место для такого разговора, слишком много чужих глаз», – Ашхатор резко взмахнул когтистой лапой.

Столб огня взметнулся чуть ли не до небес, черно-золотая фигура демона растаяла в нем. Я вздрогнул, услышав голос так и не удосужившегося куда-то убежать Сидхара.

– Э-э... – оракул кашлянул и попробовал заново. – Эт-то что такое было?

– Хранитель Пламени Мертвых, один из высших демонов стихии Огня.

– Нет, я понял, что не дайнский пророк, но что ему тут понадобилось?

– Да так, ничего особенного, – нервно хихикнул я, машинально накинул на шею цепочку артефакта. – Послал куда-то...

– Послал?! В смысле, туда, куда тролли посылают?!

– О, приятель... Чует мое сердце – еще дальше.

– Звор, ты что-нибудь понимаешь?

– А ты?

– Есть у меня одно предчувствие... – нахмурился Сидхар, но я предупредительно поднял руку.

– Никаких предчувствий, видений, наитий и прочей ерунды.

– Но это может быть важным!

– Хватит. От твоих прозрений сплошные неприятности.

– Я не виноват, что их вижу, – обиженно буркнул оракул.

– А я не виноват, что не хочу их знать. Мир? – я протянул ему руку.

Сидхар не раздумывая пожал:

– Мир. Идем, пока дежурные не спохватились.

Я кивнул и направился к ближайшей улице, освещенной лимонно-желтыми огоньками алхимических факелов. Оракул не отставал, то и дело подозрительно заглядывая в темные переулки, но проверять, что именно там шуршит, хвала Силам, не пытался. Проблему с городской нежитью Хувнтон решал привычным для всех крупных поселений способом: резиденцию правящего монарха и особняк градоправителя охраняли штатные практики под предводительством верховного городского мага, за порядком в престижных кварталах следили специальным образом настроенные артефакты, прочие обитатели города были вольны защищаться в меру собственных сил и умений. Лично я считал, что от человека с ножом или стаи бродячих псов зачастую куда больше вреда, чем от каркаданна, гуля или малой гарпии – за время жизни

в столице Юга удалось не единожды столкнуться и с первым, и со вторыми, и с третьими, как и несколько раз побывать в шкуре того самого человека с ножом. Впрочем, о некоторых эпизодах из своей биографии я предпочитал не распространяться кому попало.

– Вообще-то странно, что у Круга никого не было, – подозрительные переулки закончились и Сид вернулся к делам насущным, найдя их не менее подозрительными. – Куда все делись? Я буквально позавчера слышал, как директор распекал мастера *Иллио* за то, что дневная смена опять ушла, не дождавшись ночную, а алхимики-третьекурсники под шумок чуть не разобрали весь Круг. Конечно, мастер *Иллио* в долгу не остался, но, как по мне, так директор был прав. И сейчас вот опять никого...

– Может, что-то случилось в городе, – пожал плечами я.

Дежурить у Круга обычно нанимались маги уровня пятого-шестого, предпочитающие непыльную работенку или недавно приехавшие в город и еще не успевшие никуда устроиться. Иногда в дежурные шли желающие подзаработать новоиспеченные выпускники Школы или не торопящиеся на тракт боевые практики – для последних это была неплохая возможность восстановить силы и при этом не кормить блох в ночлежке. Работа не то, чтобы почетная, но достаточно ответственная – если, несмотря на артефактную защиту, что-то пойдет не так, в дежурную смену полетят самые увесистые и отборные камни. А там и до суда недалеко.

– Ради мелочи охрану бы не сняли, а для какого-то крупного происшествия слишком тихо...

– Может они в корчме сидят и в ус не дуют.

– За такое и штраф схлопотать можно.

– Когда это кого-то останавливало?

– Ну, меня бы остановило: две серебряные монеты – слишком дорого за кружку паршивого выселокского пива.

– Кто тебя заставляет сидеть в корчме на выселках? Раз уж гореть, так по-крупному.

– Понимаю, почему тот несчастный аптекарь грозил тебе расправой без суда и следствия, – покачал головой Сидхар. – С такими-то убеждениями...

– Ерунда, – беззаботно отмахнулся я. – Во-первых, я честно предупредил, что из лавки нужно вынести все ценное. Во-вторых, этот пронырливый хорек набрехал, что не пытался извести паури никакими народными средствами, вроде заговоренного прута из старой метлы, под которой снес яйцо двухголовый петух, а сам рассовал по углам столько шаманской ерунды, что у меня векторы на первой же ступени поплыли. И, в-третьих, я ожидал встретить там паури, а не Бездной клятого фьерку, к тому же еще и морфа, умеющего плевать огнем и нечувствительного к любой разновидности Пут.

– Но ты мог просто сообщить о проблеме кому-нибудь из штатных практиков, – оракул одарил меня пронизательным взглядом, – а не громить лавку на пару с нежитью. Еще неиз-

вестно, от кого больше вреда оказалось...

– Не люблю отступать, если уже взялся за дело. Особенно когда на кону четыре золотых.

– А если бы ты просто прилежно занимался, то получал бы стипендию, как все нормальные студенты Школы Магии.

– На себя посмотри, козий благодетель, – хмыкнул я, краем глаза отметив чересчур активную тень на мостовой слева. – Самая завидная стипендия на курсе и все туда же, пророчествуем по торжищам за мешок картошки.

– Исключительно ради поддержания формы. И эту стипендию я, в отличие от тебя, не спускаю в корчме.

– Да брось, Сид, я бываю не только в корчме.

– Про остальные злачные места я даже думать не хочу, – затряс головой оракул, заметил мой интерес и резко остановился. – Что там?

– Понятия не имею и узнавать не собираюсь, – я, в отличие от приятеля, даже не сбавил шаг. – Идем, идем.

– А если это что-то опасное?

– Кто-нибудь из штатных практиков разберется. Надо же им чем-то заниматься, не все штаны в ратуше просиживать.

– А если оно успеет кого-то загрызть?

– Увы, и такое иногда случается.

– Звор!

– Брось, Сид. Ни мне, ни тебе за эту пакость не платили.

– За вызов демона тоже, но ты сделал это бесплатно.

– И тем исчерпал свой альтруизм на три года вперед, – я

оглянулся через плечо, махнул рукой. – Идем. Там нет ничего опаснее клуракана.

– Точно? – недоверчиво прищурился Сидхар.

– Точно, клянусь.

Оракул бросил последний взгляд на подозрительную кляксу и потрусил за мной. Я тихонько хмыкнул – клякса, улучив момент, стремительно шмыгнула в ближайшую подворотню. Будем надеяться это и правда кто-то из домовых духов, а не новый подвид более кровожадной нежити.

– Расскажешь директору Дергону о том, что произошло?

– Утром, – соврал я.

А может и правда рассказать? Посмотреть на реакцию? Ха. Да я и согласился на эту чистой воды профанацию с Кругом Силы только чтобы понять, какую выгоду она принесет директору Школы. И что, понял?

Дергон наверняка знал, что за артефакт попал мне в руки, не зря же соловьем заливался о способах огранки камня, а потом еще и наказал ни в коем случае не заключать никаких сделок с призванной сущностью. Хотя, судя по словам этой самой сущности, заключать ничего и не требовалось, все заключили до меня, осталось только разобраться с последствиями.

Я тряхнул головой, пытаюсь упорядочить ураган сумбурных мыслей, и мысленно пожелал проклятому торговцу артефактами разориться. Вот уж кто подложил свинью размером с дракона!

Вокруг негромко шелестела необычно прохладная южная
ночь.

– Вот ей-ей! Сам видел! Огромная такая крылатая
ящерица из огня вылезла! Наверде дракона, только вот в
наших краях испокон веков никаких драконов не водилось!

– И куда потом девалась? – зевнул начальник караула в
очередной раз помянув недобрým словом проклятую богами
магическую школу, от которой покоя не дождешься ни днем,
ни ночью.

– А мне откуда знать? Я ее не звал! И подорожной не
спрашивал! – огрызнулся стражник, зло брякнул об стену
копьем. – Запретили же по ночам с колдовством баловать-
ся, а этим хоть бы хны!

– Студенты, – миролюбиво заметил писарь, полюбовал-
ся на аккуратные строчки, переливающиеся непросохшими
чернилами в свете ветвистого подсвечника с пятью фесто-
нами. – Моя младшая в том году поступила. Иногда и по
ночам в Круг ходит. Колдовство, оно ведь разное бывает.
Некоторое днем хорошо делать, а другое лучше по ночам
выходит. Ну, а какому и без разницы.

– Вот и мне без разницы! – не успокаивался стражник. –
Хоть по дням, хоть по часам! Раз есть указ градоправите-
ля, так извольте этому указу следовать и про «разное» тут
не заливать!

– Ну и спросил бы у них разрешение, – снова зевнул на-

чальник караула.

– Да как я спрошу, когда там этакое страховидло гойсает?!

– А дежурные на что?

– Так не было дежурных! Не было!

– Не было? – начальник караула переглянулся с писарем, тот недоуменно пожал плечами.

– Да я ж про то и толкую! Не было дежурных! Только та гадина и два парнишки! Чернявые оба, один постарше с виду, волосья длинные, второй помладше, стриженный повосточному.

– И ты это отсюда углядел? От ворот? – хмыкнул начальник.

– Оттуда! – снова огрызнулся стражник. – Я как огонь завидел, так сразу по стене и дернул к этому их Кругу бесовскому, а как добежал да присмотрелся, что дежурных нет – так и все, не стал дальше лезть. Стал смотреть, что будет.

– А должен был тревогу поднять, – нахмурился главный. – Мало ли что там? Еще повезло, что та ящерица обратно уползла, а не кинулась город громить, да людей жрать.

Писарь зябко поежился, присыпая пергамент мелким песком. Сдул излишки на пол:

– Подписывать будете, милсдарь Гвет?

– Подпишу, – кивнул начальник караула и потянулся за

пером. – Зови смену, Арьм, а сам давай в городскую ратушу к штатным практикам, сообщи и про ящерицу ту, и про мальцов. Пусть Триумвират сам со своей Школой разбирается.

– Да с руки ль мне идти-то, я ж простой стражник, не командир...

– Иди, – черные глаза Гвета смотрели сурово. – Прям с самого утра иди. А я не стану о твоём просчете капитану докладывать.

– Ладно, ладно, схожу, – заворчал стражник, вскинул на плечо копье. – Доложу. Прям вот с утра и пойду.

– Вот и хорошо. Сдавай смену и домой.

– Есть.

– Подождите, пожалуйста, милсдарь Арьм, мне вот тоже пора, а по темноте, да одному... – зачастил писарь, быстро пряча в сумку разложенные на столе канцелярские принадлежности.

– Подожду около лестницы, внизу, оружие казенное сдам. Поторопитесь только, мастер, жрать охота – страсть.

– Я мигом!

Проснулся я рывком, словно что-то толкнуло под сердце. В комнате было по-прежнему темно и пусто, из приоткрытого окна тянуло ветерком, слишком свежим и холодным для Хувнтона. Знакомые очертания предметов размывались дрожащими контурами. Я перекатился на край постеле-

ли и сел, спрятав лицо в ладонях. Время прошло, а проблемы остались. Что теперь делать? Сказать Дергону, что ничего не вышло? Выкинуть проклятый Бездной артефакт в канаву? Так ведь проблема и не в нем. Пусть директор Южной Школы и затеял какую-то игру, в которой я сам того не желая поучаствовал, но выйти из нее не значит обрести новую жизнь. Я по-прежнему останусь урожденным некромантом Неметона Скальнарго, магом, обладающим способностями, развивать которые мне не согласится помочь даже глава совета Триумvirата. А если откажусь развивать эти способности, то навсегда застряну в шкуре недоучки-темного, едва дотянувшего до пятого уровня силы.

Мне нужно время. Время, чтобы все обдумать и взвесить. Только, боюсь, Дергон мне этого времени не даст, не зря так спешил с докладом в Дьюкрогг. И на его месте я бы тоже не мешкал, шутка ли, наконец заполучить в свои руки столь действенное, да еще и полностью законное оружие. Да, за пять лет мы с директором выработали какую-то тактику общения, позволяющую хранить вежливый нейтралитет, но это всего лишь фикция. Ширма. Морок, поверить в реальность которого может разве что идеалист вроде Сидхара.

Я наощупь вытащил из-под кровати сумку и принялся медленно складывать туда вещи, в беспорядке валяющиеся по комнате. Говорят, ночь темнее всего перед рассветом. Но ждать этого рассвета я не буду. По крайней мере здесь. Как не стал ждать и одиннадцать лет назад, оставив за спиной ме-

сто, ставшее мне вторым домом. Снова бежишь, северный? От чего на этот раз?

Я повертел в руках раскрытую на середине книгу, потом решительно сгреб в сумку всю стопку. Библиотечные, конечно, но вряд ли за мной отрядят вооруженную погоню по такому мелочному поводу. Смахнул следом снесь, забытую с вечера на столе, натянул куртку и бросил взгляд на сундук у кровати оракула, но отмел мысль о краже как недостойную будущего боевого практика. Ладно, в кармане еще звенят остатки гонорара за ночное бдение у могилы не слишком благонадежного приезжего, на первое время хватит, а дальше можно будет разжиться какой-нибудь работенкой. Удирать придется через окно – еще наткнушь в коридоре на Сидхара. Или Дергона, что неизмеримо хуже.

Ух! А земля оказалась не так близко, как я рассчитывал. Ничего, вроде обошлось без переломов. И куда дальше...

А, Бездна! Ходу, ходу, северный! Подумать и по дороге можно!

Глава 2

Во все времена беглецы стремились укрыться в больших городах, дремучих лесах или безлюдных пустынях. Но в единственной пустыне Моокрогга мог скрываться разве что самоубийца, а Хувнтон был самым крупным городом материка. Сейчас безопаснее всего обойти тракт и старыми дорогами пробираться на восток, в Оркрисст – там есть вполне реальный шанс скрыться от возможной погони, Верные Степи чхать хотели на любые указы Триумvirата, не выдадут. Вот только зря я что ли когда-то ушел оттуда, зарекшись возвращаться? Остаются дремучие леса Западной Границы, а там уже рукой подать и до Моря. Неплохо бы, кстати, по пути наткнуться на какую-нибудь деревеньку, перспектива загнуться с голоду почему-то не прельщает...

Однако деревеньки все никак не попадались. Пришлось уныло отбиваться от комарья под елкой, доедая почерствелый хлеб и стараясь не думать о том, что больше еды нет. И где ее посреди бездорожья брать – непонятно, охотник из меня как из волка пастух. Я безотчетно дотронулся до болтающегося под рубашкой артефакта. А, чем Бездна не глянет! Хоть отвлекусь.

Призыв никогда не был моей сильной стороной, это вотчина демонологов, но боевой практик должен разбираться в основах любых плетений, даже если не владеет ими в полной

мере. И с точки зрения теории с Призывом все было гораздо проще, чем с Ритуалом: прежде чем осчастливить своими приказами какую-нибудь сущность из сопряженного мира, нужно проковырять проход в этот самый мир, на второй ступени – разыскать призываемого, на третьей – заставить явиться в Моокрогг. Согласие самой сущности обычно значения не имеет, что ставит заклинателя в весьма щекотливое положение. Неопытные демонологи сами до трясучки боятся тех, кого вытаскивают в этот мир Призывом, ведь скованные сопутствующими арканами твари могут внезапно освободиться, а то и талантливо прикидываться скованными с самого начала процедуры. А уж в неосмотрительно открытые Врата может заглянуть и кое-кто пострашнее низших демонов или стихийных духов, притом вытолкать непрошеного гостя обратно может быть весьма проблематично, развлечений-то в сопряженных мирах раз-два и обчелся...

Дергон утверждал, что камень в септаграмме заменяет собой все переменные для Призыва, значит можно не вспоминать нужную последовательность жестов и обойтись только словом. Конечно, опытный демонолог материализует призываемую сущность хоть на кончике иглы, наличие высыпанных пеплом или вычерченных жертвенной кровью кругов, квадратов, треугольников и прочих фигур ему совершенно не обязательно. Но мне все же придется поупражняться в художествах – визуальный «якорь» помогает сфокусировать поток энергии. Надеюсь, хоть весь резерв выплескивать не

придется.

Я ногой начертил в пыли кривоватую окружность, шагнул в сторону, забрал в кулак чуть теплый артефакт, осторожно направил на него тонкую струйку энергии, и мысленно назвал имя демона. Конечно, ничего не произошло. Слишком мало энергии? Я усилил поток. Потом еще. И еще. Септаграмма стала обжигающе-горячей, кончики лучей засветились оранжевым. Увеличить поток еще на гран. И еще... Подушечки пальцев закололи сотни невидимых иголочек, обжигая кровь, я уже приготовился стать свидетелем столь любимых менестрелями громов, молний и «сотрясений плоти земной», но ошибся. Слабо пахнуло гарью, чуть слышно хлопнуло, к светлеющему небу потянулся узкий огненный луч, распавшийся порталом.

Я разжал руку, отступил на шаг – бывали случаи, когда Призывом цепляло совершенно постороннюю сущность, да и у запланированной могло быть скверное расположение духа, нечего крутиться в зоне поражения.

– Кто нар-рушил... – заворчал было Ашхатор, осмотрелся, потирая трехпалой лапой глаза. – А, это ты.

Ну да, я. Только не надо спрашивать, зачем звал.

– И зачем звал? – зевнул во все клыки Хранитель.

Я нервно хихикнул. Он и правда в совершенстве владеет телепатией или это я так громко думаю?

– Вообще-то, это ты хотел продолжить разговор в более приватной обстановке.

– Справедливо, – согласился демон, свился в широкое кольцо и скрестил передние лапы. – Теперь слушай внимательно, Носящий Печать.

«На заре времени не существовало Сторон, только двуликая ипостась силы, грозная в своей тьме и благородная в своем свете. Вечно Мертвый Адствьярьд и Вечно Живая Леергана дополняли и сменяли друг друга в равновесии, творя то, что потом назовут Моокроггом. Ночь сменялась днем, а день – ночью, шло время, и мир наполнялся жизнью. Избранный самими Вечными правитель долго хранил покой нового мира, но наконец настал его час завещать свое тело Владыке Мертвых и уступить место сыну, наказав не нарушать равновесие Сторон. Однако сын не унаследовал мудрости отца и наказа не выполнил. Равновесие оказалось разрушено, Вечно Мертвый и Вечно Живая сошлись в схватке, перевернувшей и пространство, и время. Адствьярьд победил, Моокрогг погрузился во тьму и холод, а жизнь начала угасать. Правитель, чей дух обретался в чертогах Владыки Мертвых, долго упрашивал Леергану и Адствьярьда забыть о необдуманном поступке своего сына и восстановить согласие Сторон, но они не слышали его. Тогда правитель предложил поделить сотворенный мир поровну. Вечные согласились.

Так родились четыре Печати: белая Вода, зеленая Земля, фиолетовый Воздух и черный Огонь; зримые символы-воплощения обеих Сторон. Первые две были созданы Леерганой,

остальные принадлежали Адстьярьду. Но ни один из Вечных не хотел отдавать свои Печати сопернику, потому что не было уже доверия между ними. Недоверием Вечных и был сотворен Престол – камень, породивший свое собственное пространство, в чьи пределы попадут лишь те, кто отыщет Дорогу, а где откроется Дорога – знают только Судьба и Случай.

Престол – один из первых камней, владеющих голосом, волей и памятью, какие встречаются во многих мирах. Его связь с Печатями сильна, но несовершенна, и, покидая Престол, Печати уже не могут вернуться назад без посторонней помощи. Потому Вечные и поручили их воле смертных, пришедших из иных миров и поселившихся на просторах Мокрогга; сделали так, чтобы только они могли отыскать в своем мире Печати и вернуть их на Престол. Так появились Носящие Печать. Однако память смертных коротка, а воля хрупка и изменчива, потому понадобилась сила, способная открыть новому Носящему саму суть его долга.

Для этого Адстьярьд и Леергана создали Хранителей. Из воды вышел благородный единорог и назван был Хранителем Живого Истока – Альварисом. Из земли вышла мудрая змея и названа была Хранительницей Земли Жизни – Ралиссой. Из воздуха вышел могучий грифон и назван был Хранителем Вихря Смерти – Раумсдалле. Но никто не подходил на роль Хранителя Печати Огня, первой из четырех равных, ее сила была слишком велика для любого сотворенного суще-

ства. Тогда Адстьяррд призвал на помощь Хранителя Пламени Мертвых, высшего демона Ашхатора, и назначил его стражем памяти четвертой Печати. Начался отсчет времени нового мира. Печати передавались от достойных к достойным, тем, кто, несмотря на свое предназначение способен понять всю важность Равновесия и принять его суть. Так продолжается и по сей день...»

Я несколько раз моргнул, возвращая ясность зрению – рассказывал Ашхатор не словами, а телепатически, скорее транслируя образы напрямую в сознание. Смутные и едва уловимые картинки, тающие сразу, стоит лишь увидеть их.

– Получается, что до Первой Войны этот мир был другим? Сплошные райские кущи, о которых так любят заливать своей пастве дайны? Но даже там нашелся какой-то негодяй, которому спокойно не жилось, – я помассировал двумя пальцами переносицу. – Кем был этот правитель?

– Не знаю, – безразлично шевельнул хвостом демон. – В то время я не интересовался вашим миром. Пришел сюда только во время битвы Сторон, которую вы называете Первой Войной. Мир до нее был другим, но его отражение в глазах Вечно Мертвого и Вечно Живой может отличаться от того, что рассказывают ваши дайны.

– Не буду спорить. Тем более, что о временах до Первой Войны ничего доподлинно неизвестно. Как и о самой войне. Да, случилась какая-то катастрофа, энергетический баланс Моокрогга нарушился, колебания длились шестьдесят

лет, а потом произошло внезапное сближение нашего мира с миром Хаоса, повсюду стали появляться разрывы этого пространства. Борьба за выживание объединила все расы, даже эльфы с орками перестали грызться. Через шесть лет все внезапно закончилось, сближение прекратилось, а энергетический баланс начал восстанавливаться. Но шестьдесят шесть лет дисбаланса даром не прошли: немислимое число погибших и необратимые последствия для самого мира. С некоторыми мы не справились до сих пор. Мертвые Земли, например, наследство Первой Войны. Как и орда магических аномалий, терзающих море и сушу.

– Значит, ваша война длилась шестьдесят шесть лет?

– Возможно и нет, но в принятой всеми хронологии стоит именно эта цифра. А как было на самом деле?

– Не могу сказать, – качнул длинной мордой Ашхатор. – Это не тайна, просто мы меряем время иначе. Для меня все закончилось очень быстро.

– Потому что ты был на стороне победителя, – хмыкнул я. – Но почему Вечные вообще допустили такое?

– Все творения Вечных несовершенны, пусть и каждое по-своему. А Моокрогг был одним из первых миров, вышедших из их рук.

– Похоже на эксперимент, который проводил совет Тримвирата лет пятьдесят назад. На несколько необитаемых островов завезли разные виды морфированных животных и наблюдали, как те адаптируются к местным условиям, в

том числе и к магическим аномалиям. В конце концов эксперимент свернули, так как часть живности адаптировалась слишком успешно и решила вернуться в родные края, дабы продемонстрировать экспериментаторам свои новые способности. Больше подобных опытов с аномалиями не ставили. Ну, по крайней мере в Школе про это не рассказывают.

Демон хмыкнул, как мне показалось – с интересом.

– Так значит, я должен вернуть Печать на Престол? В мир, о котором ничего не знаю, включая и то, как в него попасть?

– Первая из четырех Печатей в твоих руках, урожденный Неметона, а значит в этот раз Дорога на Престол начнется на Гребне Скальнарго.

– А поконкретнее нельзя? Гребень Скальнарго – понятие растяжимое. И не всегда безопасное.

– Найти Дорогу – ваша забота. Я могу только указать, где ее искать.

– Отлично. Ладно, надеюсь этот таинственный портал не схлопнется за то время, пока я до него доберусь. И в него не проберется парочка цикутов, чтобы устроить себе роскошный ужин у Престола.

– Пройти этим путем могут только Носящие, Печать – ключ к двери, ведущей на Дорогу. Переход откроется, как только все четыре Печати окажутся рядом с ним. Что будет дальше – я не знаю. Пространство Дороги изменчиво и каждая четверка Носящих проходит свой собственный путь, отличный от пути предшественников.

Я скорчил кислую гримасу:

– Великолепно. А нельзя сперва заглянуть к кому-нибудь из бывших Носящих? Я бы не отказался от чего-то попрacticalнее древних сказаний и выпренных пророчеств о конце и начале мира. Может, карта там или совет, на каком постоянном дворе клопов поменьше...

– Увы, – ехидства во взгляде Ашхатора было явно больше, чем сожаления, – твоя предшественница уже покинула этот мир. А даже если бы и нет, разговаривать с ней было бы бессмысленно. После того, как Носящий возвращает артефакт на Престол, его воспоминания постепенно изменяются, то, что имело отношение к судьбе Равновесия, исчезает из памяти. Это относится ко всем, кто волей или неволей соприкоснулся с Печатами, но принадлежит только этому миру.

– Замечательно. А если Дорога не откроется?

– Значит, вам придется найти причину этому.

– Прекрасно. А нет каких-нибудь других способов попасть к Престолу?

– Для Печатей – нет. Механизм Равновесия слишком древний, чтобы его можно было завести новым ключом.

– Потрясающе. Очередной шаманский обряд, в котором обязательно нужно разгуливать голым при полной луне по наезженному тракту, иначе вместо репы в огороде вырастет редиска, – я зло подбил носком сапога жухлый листик. – Знаешь, Хранитель, давай начистоту.

Демон лукаво сощурился:

– Ты не согласен с выбором Печати.

– Нет, не согласен. Возможно, это великая честь для человека и прочая, и прочая, но я не вижу себя в роли героического героя, спасающего мир одним мановением жутко могучего и древнего, но крайней неудобного в обращении артефакта.

Ашхатор медленно качнул мордой:

– Носящий Печать не награждается высочайшей честью из рук Вечных. Он просто исполняет свой долг и уступает его другим.

– Тогда в чем твоя роль? Ну, кроме пересказа преданий о сотворении Престола.

– Я, как и любой из Хранителей, воин последней битвы. Если Равновесие падет, я встану на сторону создавшего мою Печать.

– Но ты же должен помогать мне?

– Смотря, что ты считаешь помощью, – медовые глаза прищурились. – Я не стану охранять твой мешок от воров. Но расскажу все, что ты захочешь знать о своем долге.

– Вообще-то, хранитель – это тот, кто что-то охраняет.

– Правильно. А носящий – это тот, кто что-то несет. Я охраняю знания о Печати, а ты несешь ее на Престол. Поэтому, все предельно ясно.

Я досадливо отмахнулся от щерящейся в усмешке морды. Ну, куда уж яснее...

– Это не твой выбор, молодой некромант, – обдал меня

горячим дыханием Ашхатор. – Не твой Путь. Не твое слово. Это просто долг.

– И почему же эта священная обязанность досталась именно мне?

– Так решила Печать.

– А она не может ошибиться? – с надеждой спросил я.

– Исключено. Если бы Печати ошибались – этот мир уже бы перестал существовать.

– И что, ни разу за все это время ни один из потенциальных Носящих не отказался тащиться к Престолу?

– Ни один. Итак, твое слово, молодой некромант.

– А от него что-то зависит?

– Конечно, – ухмыльнулся Ашхатор, поднимаясь на задние лапы. – Ты можешь стать первым, кто откажется от долга Носящего Печать.

– И чем мне это грозит?

– Не знаю. Но Вечные наверняка предусмотрели что-нибудь и на этот случай. В конце концов, у смертных много пороков, малодушие в том числе.

Ну конечно, а то прям в Сопредельном мире сплошь примеры для подражания сидят и все человеческое им чуждо. Впрочем, спорить с Ашхатором я не собирался. В конце концов, есть вещи поважнее, чем невысокое мнение о населении Моокрогга одного из демонов сопряженных пространств.

– Хорошо, я согласен. Не каждый день тебе предлагают нелегально проникнуть на Северную Границу, чтобы свои-

ми руками пощупать какой-то камень, от которого зависит судьба всего живого.

– Я принимаю твое слово, молодой некромант, – Ашхатор качнул длинной мордой. – Можешь задавать вопросы, если они у тебя есть.

– Спасибо, но мне, как и любому малодушному смертному, лучше думается на сытый желудок.

Хранитель насмешливо оскалился в ответ:

– Тогда до встречи. Ты знаешь, как меня найти. И помни, я служу Печати по своей воле и договору с Вечно Мертвым. Так что шантажировать меня долгом Хранителя и не мечтай.

Я кисло кивнул, жмурясь от яркой вспышки света, поглотившей окрестные деревья. Вот уже и помечтать нельзя.

Короткий стук в дверь спугнул холодную тишину тесной комнатки почти на самой вершине древней башни.

– Входи, Тьелл.

– Господин комиссар, вы были правы, портал в окрестностях Погга не имеет отношения к обычным разрывам пространства. Это нечто иное, но что именно – мне пока не удалось выяснить. Потребуется еще немного времени...

– Не нужно, Тьелл, я догадываюсь, что это такое, – желтые глаза комиссара хищно сощурились.

«Значит, в этот раз жребий выпал нам? Дорога на Престол становится центром притяжения новой вспышки из Мертвых Земель, мы можем дорого заплатить за выбор,

сделанный Печатью. Но другого пути нет. Как обычно».

– Мне не удалось застать на месте их штатного практика, но, судя по остаточным следам магии у портала, он тоже заметил искажения, – когтистая рука командора привычно легла на рукоять меча у пояса. – Но не доложил.

– Штатный практик Погга подчиняется Триумвирату, как и любой член гильдии магов. Докладывать нам он и не обязан, это дело исключительно его доброй воли.

– Он работает на нашей территории. И при этом не платит налоги правящему дому. Добрая воля должна бы проявлять себя почаще.

– Думаешь, настало наконец подходящее время пересмотреть условия нашего договора с гильдией? – хмыкнул комиссар.

Командор молча склонил голову:

– Это решать не мне, господин комиссар. Но мое мнение вы знаете. Кроме портала никаких новых искажений пространства не обнаружено. По крайней мере на этой стороне Гребня.

– Для подобного еще слишком рано. И наша задача – сделать так, чтобы эти искажения не появились вовсе. Забирай все свободные патрули под свою руку, Тьелл, и готовь предварительный план обороны. Следить за контрольными точками на оборотной стороне Гребня будет мой гарнизон, отчеты примешь сам или назначь ответственного. О любых нештатных ситуациях сообщать мне незамедлительно.

но.

– *Слушаюсь, господин комиссар.*

– *Не прости атаку, командор.*

Хатр коротко усмехнулся в ответ на привычное напутствие и стремительным шагом вышел из комнаты.

Быстрее всего было добраться до Северной Границы по тракту, но делать крюк ужасно не хотелось, поэтому я решил придерживаться прежнего направления, к тому же старая торговая дорога от Хувнтона к Вильду, официальной столице Запада, считалась одной из самых безопасных в стране. Новенькие деревеньки росли вдоль нее как на дрожжах; можно и деньгами разжиться, и с голоду не сдохнуть, а то еще и напроситься в сопровождение какого-нибудь попутного обоза, чем Бездна не глянет? Точнее, можно было бы, если бы не царящее вокруг безлюдье. Куда все подевались? Уже второе село поражало отсутствием хоть какой-либо жизни. Впрочем, смерти тоже. У меня зародилось подозрение, что и третье поселение будет похоже на своих предшественниц. И оно не подкачало. А поскольку было заметно крупнее – переплюнуло. Никаких следов разбойничьего набега, эпидемии, нашествия нежити и прочих бедствий (включая стихийные). Только ветер перебирает сухие земляные комочки по краям колеи – свежей, наезженной. Ни людей, ни зверей, ни птиц, ни вездесущих насекомых... Что-то тут здорово нечисто.

Я выставил правую руку ладонью вперед, подпер левой,

чтобы не дрожала. Осторожно, стараясь не выплеснуть разом весь резерв, повел рукой слева направо, замкнул круг и резким толчком выпустил широкое кольцо энергии. Ну, не такое уж и широкое, конечно, но метров на десять точно хватило. Волна сканирования вернулась в ладонь, я непроизвольно сделал несколько заплетающихся шагов назад, едва не шлепнувшись на задницу. Ого! Мощная отдача, а остаточный магический фон выше моего уровня раза в три! Для аномалии слабоват, для заклятия слишком силен, какой-то аркан? Но выплеск единовременный, никаких провалов, слишком ровный след – скорее всего артефакт очень высокого класса. Не хотелось бы столкнуться с его владельцем. Судя по окружающей обстановке, применяет он свою побрякушку в деструктивных целях и вряд ли вспыхнет ко мне братскими чувствами.

Я вздохнул, разминая ноющую после отката правую руку – надо было хоть охотничьим ножом разжиться перед побегом. Не говоря уж о коне и нормальных припасах. Расслабился ты за пять лет, северный, нырнул без оглядки в новый омут, а ведь плавать учился в старом. Вот сейчас бы и пригодились...

Ладно, сокрушаться о собственном головотяпстве будем позже, а пока не лишне осмотреться.

Видимых разрушений нет, фон, даже остаточный, неконтролируемо сильный, материальные объекты на месте – я внимательнее пригляделся к аккуратным бревенчатым до-

микам по обе стороны дороги. Вон впереди сруб колодца, рядом несколько ведер; ворота поскрипывают одной распахнутой створкой, во вторую упирается оглоблями телега; идилично спокойно покачивает голыми ветками яблоня; солнце поблескивает на звеньях цепи, растянувшейся от будки до калитки; на заднем дворе развешено белье – часть до сих пор в корзине, словно хозяйка отлучилась на минутку; осыпавшийся сад свешивает ветки через плетеный забор, на кольях лаково блестят свежей эмалью цветные горшки... Стоп. Рановато для листопада. Я снова огляделся, чувствуя, как глубоко в животе зарождается холодок осознания. Поспешно протянул руку к ближайшему деревцу, веточка ломко хрустнула в пальцах, рассыпалась пылью – просто сухая кора, до поры до времени сохранившая форму.

Ульд, Призма Нежити. Редкий артефакт из числа запрещенных, упоминается разве что в старых трактатах, умеет собирать энергию живых существ и преобразовывать ее под нужды хозяина, оставляя после себя лишь пустые оболочки некогда живого. Контролировать Призму может только очень сильный маг. Обычно – темный. Через какое-то время после активации Призмы лишившиеся содержимого оболочки начинают рассыпаться в пыль, не оставляя после себя и следа. Ни живности, ни людей не видно, только растения сохраняют форму – значит, распад уже начался. Мы разминулись меньше чем на двенадцать часов.

Холодок, зародившийся в животе, ледяной волной растек-

ся до кончиков пальцев. Цваард, этого еще не хватало! Ну и что теперь делать?! Обходить? Пешком, толком не зная местности? И, хуже того, без малейшей идеи, куда подевался неведомый злодей? Конечно, лично мне с ним делить нечего, но и становиться непрошеным свидетелем однозначно преступной практики совершенно не хочется – от таких соглашениям спешат избавиться в первую очередь.

Как любит приговаривать директор Дергон, патетично воздевая указательный палец к небесам: «Мудрый изыщет путь избежать схватки». На мудрого я не тяну, но попробовать стоит. Вдруг и получится избежать.

Макхар, один из штатных практиков Хувнтона, спокойно кивнул, поглаживая двумя пальцами аккуратную льняную бородку:

– Спасибо, что все так подробно рассказали, уважаемый Арьм, мы обязательно во всем разберемся и накажем виновных, можете не волноваться.

– Уж вы постарайтесь, да, – фыркнул стражник и направился к двери, не переставая ворчать, – а то, как ни происшествие какое магическое, так никто у вас не виноват, даже если свидетелей с полгорода, знаю я вас...

Дверь хлопнула. Молчавший до этого Иллио, темный практик седьмого уровня, фыркнул, заправил платиновую прядь за острое ухо, украшенное тремя золотыми серьгами-кольцами:

– Совсем страх потеряли.

– Горожане и не должны нас бояться, – мягко укорил горячего коллегу Макхар, – мы же не злодеи какие-нибудь. Что говорит ночная смена?

– Не начинай, – поморщился эльф. – Мало мне Дергона с его нотациями, и ты туда же.

– Я всего лишь спросил...

– Ночная смена получила официальный приказ отправиться к южным воротам для усиления гарнизона и предотвращения возможного нападения.

– Какого нападения? – спокойно спросил Макхар, не первый год работающий вместе с западным практиком и успешный притерпеться к его характеру.

– Да никакого, Макхар! – эльф пружинкой вскочил на ноги и сделал раздраженный круг по кабинету. – Но стража южных ворот получила такой же приказ.

– Ты его видел?

– Конечно нет! Иначе бы уже отправил этого шутника в Солнечный Колодец, – бледно-голубые глаза Иллио зло сощурились. – Или на виселицу. Бумаги самоуничтожились вместе с вестником, но ни у начальника караула, ни у командира ночной смены не возникло сомнений в их подлинности.

– Загадка, – снова потер бородку Макхар. – Ты сообщил в Дьюкрогг?

– Сам сообщай. Может еще и повышение выслужишь. За бдительность, – язвительно скривился эльф и с размаху

плюхнулся в кресло, выбив облачко пыли. Брезгливо сморщил нос.

– Что говорит мастер Дергон?

– Легок на помине.

Макхар вопросительно глянул на западного практика, но тут дверь снова открылась.

– Доброго дня, коллеги, – поздоровался директор Южной Школы, переступая порог. – Кажется, вас уже оповестили...

– Если ты снова свалишь всю вину на моих подчиненных, я за себя не ручаюсь, – угрожающе подался из кресла эльф.

– Не волнуйтесь, мастер Иллио, – подчеркнуто вежливо поклонился Дергон, – у меня и в мыслях такого не было. Я ведь сам отправил студентов в Круг, проверить одну занятую теорию. Конечно, никто не ожидал, что там не окажется никого из дежурных, да и отправлял я только одного оболтуса, хм-м... – директор заметил потяжелевший взгляд коллеги и торопливо замахал руками. – Иллио, клянусь, я не меньше тебя хочу выяснить, что произошло!

– Что за теория? – эльф, не отводя взгляда, снова откинулся на спинку кресла.

– В руки одному из студентов попал любопытный артефакт, довольно древний, описаний подобных вещей я нигде доселе не встречал, – Дергон занял второе кресло, бросил на подлокотник темно-синий плащ. – И потому решил, что не лишним будет его исследовать. Это могло помочь и самому

студенту, добавить ему баллов на выпускном экзамене, и, чего греха таить, послужило бы на благо всей магической науки. Я узнал о случившемся только утром, когда закончил составлять теоретическую базу эксперимента, и поспешил сюда сразу же, как удалось разобраться со школьными делами, эта бюрократия и вурдалака в гроб вгонит, хм-м...

– Значит, ты отправил в Круг Силы двух студентов с неизвестным артефактом, решив в случае чего свалить всю ответственность на ночную смену.

– Я отправил одного, второй просто увязался следом...

– Несущественно. Ты не пошел с ними, прикрывшись делом, которым мог заняться позже. И никто из преподавателей не пошел. Двое юнцов с неизвестным артефактом. В центре высококлассного генератора энергии. В черте города. Ночью. О чем ты думал, а?

– У меня были причины так поступить, Иллио.

– Не сомневаюсь, – эльф резко поднялся на ноги, сдернул с крючка черную с серебристой вышивкой куртку. – Советую придумать побольше этих причин, на суде может пригодиться. Я сам осмотрю Круг. И если найду там хоть что-нибудь подозрительное...

– Иллио, подожди еще минутку, пожалуйста, – мягко позвал Макхар, повернулся к директору Южной Школы. – Со студентами все в порядке, Дергон?

– Это еще одна причина, по которой я пришел, – коротко вздохнул южанин, потер щеку растопыренными пальцами.

Иллио раздраженно поджал губы, но остался в кабинете. Аккуратными движениями принялся собирать длинные светлые волосы в высокий орочий хвост на затылке. Слушал молча, внимательно, лишь блекло-голубые глаза изредка пересекала странная тень, будто легкое облачко затмевало опаленное летним солнцем небо. Макхар молча покачал головой, выслушав коллегу:

– Хранитель Пламени Мертвых? Нам повезло, что на Призыв не явился кто-то менее разумный. И кто бы мог подумать, что в этом выпуске окажется урожденный Неметона... Как думаешь, куда он мог отправиться?

– Насколько мне известно, у Звора не осталось родичей на Севере, – Дергон задумчиво потер подбородок. – Он рос на Востоке, но где именно – я никогда не расспрашивал. Скорее всего, остались какие-то записи в личном деле или же удастся построить поисковый аркан по какой-нибудь вещи, несущей отпечаток его энергетического поля...

Иллио выдохнул короткий злой смешок, расправляя воротник куртки:

– Так ты пришел сюда, чтобы нанять ищеек, Дергон? Хочешь втихую решить это дело, не привлекая внимания дознавателей? И каким же именно образом? Повесишь на своего беглого студента Призыв высшего демона, а потом исключишь из Школы? Или отправишь сразу в Сопредельный мир? Родни у него нет, никто не хватится – идеально. И никаких обвинений в халатности и разбирательств с советом

гильдии, которые могут подпортить твою идеальную репутацию идеального директора идеальной магической школы.

– Я не собираюсь ни в чем его обвинять и уж тем более убивать, просто хочу поговорить. Но, если уж ты сам завел речь о законах, то смею напомнить, что проводить любые эксперименты в Круге без надзора студентам запрещено и формально за произошедшее несет ответственность не только мой студент, но и твоя дежурная смена. Даже получив официальный приказ, командир смены должен был доложить об этом не только тебе, но и мне, оставить хотя бы одного дежурного и только после этого отправиться к южным воротам. Мы обсуждали это не один раз, но твои «ночные» продолжают нарушать процедуру. Если бы смена была на месте, ничего бы не случилось.

Бледно-голубые глаза эльфа злоеюще прищурились:

– Да что ты говоришь? Напомню-ка и я кое-что. Студент именно твоей Школы вызвал высшего демона в черте города следуя именно твоим приказам. И ты сам в этом признался. Я под присягой повторю каждое слово.

– Я не приказывал ему действовать в обход законов, он должен был дожидаться дежурную смену или сообщить мне о возникших трудностях. И это я тоже готов повторить под присягой.

– Великолепно. Расскажешь об этом в каземате Солнечного Колодца.

– Иллио... – попробовал урезонить коллегу Макхар.

Дверь громко хлопнула. Штатный практик вздохнул, бросил на директора Школы сконфуженный взгляд:

– Прости, Дергон. У Иллио... сложный характер.

– Да уж, знаю не понаслышке, – южанин неприязненно поморщился. – До сих пор удивляюсь, как ты его терпишь.

Макхар примирительно улыбнулся. На самом деле у него была веская причина простить эльфу и что-нибудь похуже дурного нрава – десять лет назад именно Иллио спас Бирхеля, единственного сына мастера Макхара, из пасти бильвизов. Конечно, темный практик с Запада был резким, неуживчивым и категоричным, но при всех своих недостатках мог без раздумий рискнуть жизнью ради другого.

– Не могу не согласиться с моим чересчур вспыльчивым коллегой, Дергон, отправить ребят одних было не лучшей идеей. Хорошо, что никто из горожан не пострадал. Со стражей я поговорю, но Иллио пошлет рапорт совету в Дьюкрогг, если обнаружит что-нибудь, на его взгляд, подозрительное. И ради этого даже перешагнет через свою жгучую нелюбовь к бюрократии.

– Я и не собирался ничего замалчивать, Макхар, – с улыбкой замахал руками Дергон. – Пусть пишет, что хочет. Куда важнее сейчас отыскать Звора, пока он не успел вляпаться в какие-нибудь неприятности – один Свет знает, на что еще способен этот артефакт, ни к чему так рисковать. Но до конца выпускных экзаменов я не смогу никуда отлучиться из города. А твой напарник вряд ли согла-

сится мне помочь, он достаточно... хм-м... однозначно это высказал. Я и правда не хочу обращаться к дознавателям, но по одной-единственной причине – в Солнечном Колодце не действует презумпция невиновности, все дела рассматриваются ими с позиции доказанной вины, хм-м, подозреваемого. Не хочется настроить юношу против гильдии. Он ни в чем не виноват, просто немного сбит с толку.

– Пожалуй, ты прав, – штатный практик задумчиво потер бритую налысо голову. – Мелиссар сейчас на Западе, Ирма больна. Остальные эту неделю заняты на приеме, который затеял градоправитель – ожидается много гостей, в том числе и какие-то большие шишки с Восточной Границы, сам знаешь, как Виккил любит пускать пыль в глаза. Но ты можешь поговорить с Бирхелем, он сейчас занимается какими-то историческими изысканиями в библиотеке, наверняка не откажется помочь.

– Спасибо, Макхар, я твой должник.

– Ерунда. Какие счета между друзьями? Просто будьте осторожны.

– Не волнуйся, я верну твоего сына домой целым и невредимым. Доброго дня, Макхар.

– И тебе, Дергон.

Избегнуть не получилось. Это я понял сразу, как только увидел человека, стоящего на дороге спиной ко мне. На вид ничего необычного – рост немного выше среднего, смоляни-

сто-черные короткие волосы, темно-серые сапоги из чьей-то шершавой на вид, грубо выделанной кожи, и такая же по оттенку рубашка с высоким воротом, черные штаны из плотной холстины.

Я не особо умело попытался просканировать незнакомца на предмет его специализации, с удивлением понял, что он совершенно ее не маскирует, но на этом приятные сюрпризы закончились. Маг оказался темным, при этом стихийным, а уровень я даже просчитать не смог. Плохо. Очень, очень плохо. Скорее даже отвратительно.

По затылку, где-то под волосами, забегали мурашки, растеклись волной по вискам. Я тряхнул головой, прогоняя хорошо знакомые ощущения (не до того!), остановился, не доходя нескольких шагов до незнакомца:

– Э-э-э... добрый день, уважаемый.

Мужчина обернулся, чуть сдвинул темные брови. Скорее всего северянин с примесью западной крови: характерные резкие черты лица, острые скулы и по-эльфийски яркие зеленые глаза. Из оружия только нож в потертых ножнах на поясе. В правой руке незнакомец держал хрустальную полусферу размером с ладонь, в которой я с нарастающей тревогой опознал пресловутую Призму Нежити.

Я сделал шаг назад, он – вперед, губы дрогнули в змеиной улыбке, но глаза остались холодными, цепким взглядом обшаривая меня с ног до головы. Взгляд задержался на груди, изучая выбившуюся из распущенного ворота Печать.

– Любопытно, – мужчина выставил в сканирующем пассе левую руку, запястье которой сжимал широкий кованый браслет с подвеской – змея, обвивающая меч. По моей спине пробежала волна липкого жара от прикосновения чужой магии, я торопливо попытался соорудить ментальный Щит, но незнакомец закончил раньше, чем я добрался до середины плетения. – Еще любопытнее. Черная Печать на этот раз досталась магу? Более того, урожденному Неметона? Воистину грядет что-то пострашнее падения Равновесия, раз этот жребий выпал Мечу Севера.

– Э-э-э... – я на всякий случай сделал еще один шаг назад.

Проклятье! И с кем же меня столкнули паршивка-Судьба и негодяй-Случай?! Виски и затылок снова щекочуще закололо, я покосился влево, вправо, но ничего не заметил. Странно...

– Впрочем, упускать такую возможность глупо, – невозмутимо продолжил мужчина, переложил Призму в левую руку. Простое серебряное кольцо на указательном пальце его правой руки засветилось бледной бирюзой, в хрустальной глубине артефакта ответно сверкнула крошечная золотистая звездочка. – Знаешь этого человека?

Я нервно вздрогнул и резко втянул ноздрями пряный от цветущих трав воздух. Перед внутренним взором калейдоскопом цветных линий вспыхнуло какое-то пятно, постепенно сложилось в нечто, похожее на узор разноразмерных окружностей, растеряв большую часть красок. Что за...

– Рисунок... энергетического поля? – пробормотал я, пытаясь одновременно следить и за внешним, и за внутренним зрением.

– Да уж точно не карта Недр, – пренебрежительно фыркнул незнакомец, щелкнул пальцами, привлекая мое внимание. – Ну? Знаешь или нет?

– Н-нет... – я помотал головой, избавляясь от цветных пятен перед глазами. Невероятная техника работы с чужим сознанием, дознаватели гильдии молиться на этого парня должны! – Точно нет.

– Жаль. Но попытка не пытка. Впрочем, он мог и сдохнуть, за столько-то лет, – маг снова перекинул Призму в правую руку и отвернулся, будто в одночасье потеряв ко мне интерес.

Ну и прекрасно. Читать проповеди на тему «не убий ближнего своего» я точно не собираюсь, как и грозить всеми карами гильдии – пусть Триумvirат сам разбирается. Или Храм. Или силы местного правопорядка. Хотя на месте последних я бы не приближался к владельцу Призмы Нежити на арбалетный выстрел. Проклятье... Это ж надо было так опростоволоситься... Хотя, обычный практик вряд ли вообще заметит что-то неладное – некромант, из-за специфики своего дара, куда чувствительнее к эманациям смерти, чем другие маги. А в Оркрите возможностей развить это чутье хватало.

По затылку снова прокатились мурашки – да знаю, знаю!

А с виду вполне себе обычный человек... И, честно говоря, это тревожит еще больше. Незнакомец уже покинул мир живых, но, судя по шалостям с Ульд, ухитрился сохранить способности к магии. Случай не то, чтобы уникальный, но упоминающийся в учебниках по практической магии с пометкой: «По возможности в противодействие не вступать». Конечно, в тех же учебниках пишут, что после смерти часть магических способностей бесследно исчезает, но бывают и исключения из правил. Не хочется мне почему-то устраивать полевые испытания возможностям мага, так легко управляющегося с Призмой Нежити. Вроде попадалась мне на глаза какая-то тропинка в обход этой бесами клятой торговой дороги... Лучше уж потерять несколько часов, чем жизнь.

– Стой.

Я замер, не успев сделать и шага. Незнакомец вновь повернулся ко мне. Любопытный ветерок закрутил крошечную пылевую воронку на дороге и юркнул в траву. Какая-то пичуга рассыпала звонкую трель. В зеленых глазах северянина блеснули смешливые искорки:

– Догадался, наконец. Не знаю, кто сейчас директор Гитской Школы, но на месте совета я бы выгнал болвана взашей – его студенты даже в своем профиле умудряются вести себя как слепые котята перед миской молока.

– Я учился в Хувнтоне, – невесть с чего огрызнулся я. – И почувствовал сразу. Просто... не связал эти ощущения с... вами.

– Хувнтон ничем не лучше, – пренебрежительно отмахнулся маг. – Хотя странно, что урожденного Севера занесло к южанам.

– Так получилось.

– Любопытно было бы послушать. Но сперва к делу. Хочу заключить с тобой договор, Меч Севера. Мы оба выиграем от этой сделки.

– И... что выиграю я? – попытка не показать овладевшее мною изумление провалилась, но я честно пытался.

Губы незнакомца вновь тронула змеиная улыбка:

– Я помогу тебе добраться до Гребня Скальнарго. Доберешься живым. Мне кажется, это не самая плохая цена.

– Откуда вы знаете, что мне вообще туда нужно?

– Потому что в этот раз именно там открывается Дорога на Престол.

– Предположим... И где гарантия, что я действительно получу обещанное?

– Мое слово.

– Думаете, я ему поверю?

– Думаю, да. Маловероятно, что кто-то другой предложит тебе то же, что и я. Даже Ашхатор. В конце концов, он Хранитель Печати, а не твой личный советник. Как и любой высший демон делиться своими богатствами не любит, а к богатствам причисляет и знания, которые доверил ему Вечно Мертвый. Конечно, если ты будешь задавать правильные вопросы, ответить на них ему придется, но, поверь, за три с

лишним тысячи лет этот чешуйчатый прохиндей научился виртуозно избегать подобных разговоров. К тому же он вряд ли сумеет сделать из тебя что-то хотя бы отдаленно похожее на боевого практика.

Я нервно попятился. Похоже, этот мир окончательно сошел с ума. В нормальном мире не может водиться нежить, чьей хрустальной мечтой является сохранение жизни мага, призванного уничтожать подобных ей существ.

– Зачем вам это?

– Мне выгодно существование этого мира. Такая причина устроит?

– Если она истинная.

– Вполне. Итак, твое слово, Носящий Печать.

– Э-э... Мне... э-э... надо подумать.

– Сколько угодно, – пожал плечами собеседник. – Надумаешь – позови. Мое имя Вилл-Орм.

Искрой в тумане блеснула Ульд. Я поспешно шаррахнулся подальше от артефакта, но северянин не собирался с жутким хохотом уволокивать меня в Бездну. Просто открыл портал, в который и удалился.

Примерно через час я ворвался под свод деревьев и устало плюхнулся в траву. Спина ныла, в голове полный кавардак, скудные припасы вопиял к пополнению своих рядов. И если треклятый маг со своей хрустальной побрякушкой обскакал меня, следующие деревни наверняка тоже обезлюдели.

С другой стороны, денег все равно считай, что и нет, а сыр или хлеб – не энергоемкий объект, распаду подвержены в меньшей степени, чем что-то однозначно живое, подвижное и тем более теплокровное... Но заниматься подобным мародерством тянуло еще меньше, чем практиковаться в плетении силков или рыбалке с подручными средствами. И вовсе не из-за опасения подхватить афтершок от действия Призмы – остаточное воздействие артефакта, даже такого мощного, как Ульд, гораздо слабее прямого, контрзаклинание и первокурсник подобрать успеет. Скорее, какой-то внутренний блок, которому не учили в Оркрите – Верные Степи не привыкли упускать выгоду, нигде и никогда, даже такую. Какая польза от пропавших впустую продуктов? Исчезнувшим жителям они уже точно не пригодятся.

Я повертел в руках почерстевшую краюху, вернувшись мыслями к личности, повинной в этих массовых исчезновениях. Если следовать современной магической классификации, то Вилл-Орм скорее всего ревенант, аэдэр кхаар на темном наречии Севера, «живущий чужую жизнь». Но это всего лишь общая характеристика, объясняющая столь активное посмертие северного мага. А вот детали... детали могут различаться. Среди ревенантов много уникальных образцов, обладающих только им свойственными способностями и умениями. И угадать, что за образец достался мне невозможно.

Вилл-Орм... Имя незнакомое, но однозначно древнее. Вторая часть точно северная, «орм» по-хатрски «змея». А

вот первая... Эльфийское «виллар»? Хатрское «вьеллу»? «Валлаир», внезапно понял я, «кольцо» на темном наречии Севера. Значит, Вилл-Орм на всеобщем – «свернувшийся змей». Больше похоже на прозвище, чем на имя, ну, разве что амбициозностью родители мага не уступали самому лорду наместнику Севера.

Я хлебнул из фляги и со вздохом растянулся в траве. Потом ругнулся и снова сел, стараясь не обращать внимание на разом застонавшие мышцы.

На Призыв пришлось потратить почти весь оставшийся резерв, а учитывая, что оставалось там едва ли на четверть – мне позарез нужен хоть какой-нибудь Источник. Или недельный отпуск на островах, где можно спокойно дожидаться, пока энергия восстановится сама, не рискуя при этом столкнуться за поворотом с очередным выходцем из Бездны.

– Ты не выглядишь сытым, – ехидно осклабился Ашхатор. – Придумал что-то и на голодный желудок?

– Угу, – мрачно буркнул я. – Кто такой Вилл-Орм и откуда он все знает? Обо мне, о тебе и о Печати.

– Что он тебе предложил?

– Хэй, я первый спросил!

– Этот вопрос не касается Равновесия, – махнул когтистой лапой демон.

– Еще как касается! – возмутился я. – Если меня подкарауливает на дороге какое-то буйное умертвие с раритетным артефактом и пытается делать предложения, от которых

сложно отказаться!

– Да, это в его духе, – хмыкнул Ашхатор и снизошел до объяснений. – Вилл-Орм – один из посвященных Тахарьеона, владыки Сопредельного мира. Он не входит в Совет Тьмы, но, очевидно, сейчас знает то же, что и трое иерархов. Печати снова оказались в мире смертных, а Дорога откроется на родине того, в чьих руках первая из четырех.

Да уж, режиму секретности операции «Равновесие» позавидует и тайная служба короля! Проще уже повесить на шею табличку «Кандидат в герои Моокрогга и сопряженных миров» и требовать скидку на постоянных дворах, может хоть какой-то прок выйдет.

– И кто еще об этом знает?

– Кто-нибудь из светлых, например, члены Большого совета мира Теллерва – взгляд Ашхатора внезапно стал очень цепким. – Во всех мирах могут быть те, кто знает, как выглядят и что собой представляют Печати. И у тех, кто это знает, могут быть свои взгляды на важность Равновесия. И на роль Носящих в этом.

– Они могут нам помешать? – насторожился я.

– Они могут попытаться вам помешать, – уточнил Хранитель. – А удастся им или нет – зависит от вас. Я, как и любой из Хранителей, готов к последней битве Сторон.

– Я думал, наша задача – не допустить этой битвы.

– В том числе. Печати не должны попасть в чужие руки, молодой некромант.

– Надеюсь, остальные трое это тоже знают, – буркнул я. – И, надеюсь, Вилл-Орм не из тех таинственных негодяев, которые спят и видят, как бы воткнуть нам в колеса палку посучковатее.

– Не из тех, – подтвердил демон тоном «а из других», но я решил не лезть в дебри, нахождение в которых мне вряд ли понравится. – Что он тебе предложил?

– Сказал, что страсть как обожает этот мир и весьма расстроится, если затея с Равновесием провалится. Потому готов предоставить мне посильную помощь.

Демон чуть прищурил медовые глаза, раздумчиво двинул нижней челюстью, потом медленно кивнул:

– Это не запрещено.

– А что может быть запрещено?

– Никто из иерархов сопряженных миров не должен вмешиваться в судьбу Равновесия, иначе договор с Вечными будет нарушен и начнется новая битва Сторон. Вилл-Орм не иерарх и не вассал никому из Совета Тьмы, он свободен и подчиняется только собственной воле. И может предложить тебе свою помощь, если захочет это сделать.

– И сдержит клятву?

– Слово Севера не теряет своей силы, даже если тот, кто дает его мертв.

– Звучит многообещающе.

– Ты сам северянин. И сомневаешься?

– Видел слишком много примеров того, как удобно нару-

шать подобные клятвы.

– Если не веришь мне, можешь спросить у самого Тахарьеона. В конце концов он знает своего посвященного лучше нас обоих.

– Отличный план, – фыркнул я. – Жаль, неосуществимый. Даже если мне каким-то чудом удастся открыть переход в Сопредельный мир, я не продержусь там и минуты. Это не особенно подходящее для живых пространство, а я не адепт, чтобы компенсировать все недостающее при помощи магии. И не верховный шаман орков, чтобы пытаться просочиться туда в виде духа.

– Ты многого о себе не знаешь, молодой некромант, – лукаво глянул на меня Ашхатор. – Что ж, если дело только в силе, я открою для тебя переход. В конце концов, это в интересах Равновесия.

– Стоп-стоп-стоп! Я чего-то не знаю? Чего именно?

– Это не имеет отношения к Равновесию, так что отвечать я не обязан, – пакостливо заухмылялся чешуйчатый гад, поднимаясь на задние лапы.

– Это куда важнее Равновесия, это имеет отношение ко мне!

– Ты все узнаешь сам, когда придет время.

– И когда оно придет?!

– Ты готов?

– Нет! Постой!

– Ты встретишься с Тахарьеоном один на один. Не спеши

со словами, северянин, первая ошибка может стать для тебя последней. Помни кто перед тобой, каждую минуту. И не забывай, что за любую услугу придется платить. Быть может не сейчас, но позже – непременно придется.

– Я никуда не пойду, пока не услышу ответ!

– Чтобы попасть обратно тебе нужно будет снова войти в эту рощу. Удачи, Носящий Печать. Я буду ждать тебя здесь.

Перед глазами взорвалось звездное небо, желудок ухнул куда-то в пятки, но ощущение падения в никуда исчезло так же стремительно, как и появилось. Голова кружилась, но ноги стояли на твердой земле, зрение бесстрастно докладывало, что окружает меня теперь не безымянная рощица, а серая каменистая пустошь, щербящаяся камнями и скалами, протыкающими низкое небо. Мутное зеленоватое солнце безуспешно пыталось разогнать грязное кружево облаков. Впереди слева высился какой-то валун и, после недолгих колебаний, я направился туда, на ходу пытаясь разобраться в ощущениях. Легкий мазок ветра по щеке, скрип серого песка под сапогами, стремительно летящие по небу облака – все это было настолько реальным, что могло свести с ума. Быть того не может! Каким, Бездна меня сожри, образом я мог здесь оказаться, да еще и «во плоти»? И почему не испытываю от этого никаких неудобств? Может это все-таки сон? А реальности пейзажу добавляет мое собственное сознание, привыкшее окружать себя звуками и движением? Возможно, ветер и песок – это всего лишь иллюзия, бесконтрольно со-

зданная мозгом, а я стал жертвой специфического чувства юмора Хранителя Пламени Мертвых? М-да, обхохочешься. Вот проснусь и посмотрим, кто будет смеяться последним.

Выбранный ориентир вблизи оказался похож на некое подобие кресла – здоровенный кусок серого камня с плоским шлифованным сидением и высокой спинкой. Рядом, привалившись спиной к «подлокотнику», стоял мужчина неопределенного возраста с длинными белыми волосами. Высокие, почти до колена, сапоги с серебряной оковкой по носку, аскетично-черная одежда, серебристое навершие меча на поясе слева. Внешность вполне себе человеческая, а вот сложение на порядок внушительнее. Никаких тебе рогов, клыков или раздвоенного хвоста, вопреки всем бестиариям Храма. Столкнешься в лавке и не поймешь на кого напоролся.

Льдисто-белые колючие глаза без зрачков встретились с моими, заставив вздрогнуть от неизмеримой беспредельности взгляда, свойственной высшим иерархам сопряженных пространств. Я внезапно всем существом осознал, что пришел на эту встречу один и без помощи Ашхатора вряд ли сумею вернуться. Сердце обдало холодом, в горле согласно пересохло.

– У тебя много вопросов, смертный. И ты был достаточно смел, чтобы прийти ко мне безоружным.

Я внутренне содрогнулся, представив, как наскაკиваю на владыку Сопредельного мира с дубиной наперевес, а тот, не в силах устоять перед моей вселенской мощью, сползает со

своего каменного сидалища, истерически хохоча. Губы Воплощенной Смерти внезапно тронула мёрзлая улыбка. Ох, вот только этого не хватало – я даже не почувствовал его вторжения в сознание!

– О чем ты хотел спросить меня, смертный? Послушать рассказ о том, с кем столкнула тебя Судьба? Он в силах сам ответить на твои вопросы, для этого вам не нужен посредник в моем лице.

– Но разве он действует не по вашему слову, Великий? – я на всякий случай использовал самое нейтральное обращение к иерархам сопряженных пространств. Без должной субординации такие личности тебя как минимум не будут слушать, а как максимум – приشلепнут словно спесивую мошку.

– Нет.

– Значит, он действует только по своей воле?

– Я не могу поклясться в том, чего не знаю. Скажу лишь, что эта воля не моя.

Конечно, иерархов в сопряженных пространствах хватает. И каждый из них ведаёт определенной сферой, иногда тесно сплетающейся со сферой «коллеги», но все равно имеющей какие-нибудь отличительные особенности. Разделение по «сферам ответственности» не имело никакой сакральной подоплеки, как и не преследовало цели занять руки шатающегося без дела иерарха. Не иерарх порождал явление – явление порождало иерарха. Воплощая в зримой форме то-

го, кто изнутри видел и понимал суть явления-прародителя, досконально разобрался в его законах, мог регулировать интенсивность и масштаб его проявления.

– Но могу ли я доверять его слову, Великий?

Тахарьеон шевельнулся, пожал плечами, черен меча у пояса поймал и отразил тусклый блик зеленоватого солнечного диска:

– Доверие – это сила перед лицом друга и слабость перед лицом врага. Можешь ли ты доверять моему слову, смертный?

Я вовремя вспомнил о предупреждении Ашхатора и прикусил язык, не сболтнув очевидную глупость: сомневаться в слове иерарха сопряженного мира чревато крайне неприятными последствиями, велика вероятность, что сожалеть о поспешных выводах ты будешь уже посмертно. Похоже, Тахарьеона устраивало мое молчание, дожидаться ответа он не стал:

– Невозможно измерить глубину пропасти, не бросив в нее камень. Если ты поверишь слову этого человека и ошибешься – ты будешь сожалеть. Если не поверишь и ошибешься – будешь сожалеть не меньше. Но если ты не примешь никакого решения – никогда не узнаешь, к чему оно могло привести.

Я медленно кивнул. Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть. В конце концов, я готов к худшему. И если готов напрасно, будет вдвойне приятно это признать.

Губы иерарха дрогнули в подобии улыбки, смысл которой невозможно было разгадать:

– Ты найдешь путь назад, если пришел сюда сам, смертный. И обретишь новое знание, если выйдешь отсюда.

– А могу и не выйти? – я пытался сохранить хотя бы видимость спокойствия. Но, похоже, меня видели насквозь.

– Ты можешь решить, что твой долг слишком велик для тебя.

– Но, похоже, кроме меня его не выполнит никто. Так что придется вернуться.

– Кровь Севера, – льдисто-белые глаза чуть прищурились. – В твоих руках личная Печать Вечно Мертвого. Это большая ответственность для любого из обитателей сопряженных миров.

– И для вас тоже? – брякнул я раньше, чем успел прикусить язык, но иерарх великодушно не стал развоплощать меня к мракобесам.

– Для всех. Но мы не будем говорить о твоём долге. Любое мое слово может стать камнем, который стронет лавину.

Интересно, что насчет тех слов, что уже прозвучали? Они не столь важны? И где вообще критерии важности слов в данном случае? Проклятье, если Тахарьон и сейчас копается в моем сознании – мне конец... Может, отвлечь чем?

– Честно говоря, я удивлен, что сумел продержаться в вашем мире так долго, Великий. Не будучи при этом мертвым. Или адептом Тьмы. Или духовной проекцией, если вам зна-

ком этот термин.

– Если он знаком тебе – то знаком и мне.

Это намек на осведомленность обо всех и вся или напоминание о возможности поковыряться в моем сознании в любое время? Хотелось бы первого, но исключить второе тоже, увы, нельзя.

– На самом деле ничего удивительного в этом нет, – легонько пожал плечами Тахарьеон. – Меч Севера – обоюдоострый клинок, одно острие которого способно разить в твоём мире, второе – в моем. Ты не владеешь своим оружием, но даже скрываясь в ножнах оно источает силу.

Да, Ашхатор говорил, что я многого о себе не знаю. Но на лекциях об аномальных случаях развития дара нам даже не намекали ни на что подобное. Тайное знание, доступное лишь хатрам? И высшему иерарху мира мертвых, что не может не настораживать.

– И как это оружие можно... извлечь? – осторожно спросил я, в целом не надеясь на ответ.

– Об этом пусть расскажет тот, кто его ковал.

Значит, все-таки хатры. И таинственного кузнеца наверняка стоит искать ближе к верхушке их военно-магической иерархии. Как бы не пришлось идти на поклон к самому лорду наместнику, вряд ли после Десятой войны он питает пламенную любовь к людям, пошлет еще туда, где и дракон не летал... Но для начала надо вообще добраться до Северной Границы и, желательно, не в конце зимы. Ашхатор вряд ли

согласится прокатить меня на своем горбу до Скальнарго, а конем разжиться негде. Надеяться, что у пока что неизвестных мне соратников окажется при себе телега? Попытать силы в славной, но порицаемой законом профессии конокрада? Или пойти еще на какую-нибудь сделку с совестью? Или... не с совестью?

Ашхатор говорил об услугах, за которые рано или поздно придется платить, но вот было ли это предупреждение или намеком? Проклятье. Вот любят же напустить тумана, а ты потом тыкайся в стены, как слепой котенок! Я аккуратно переступил с ноги на ногу, лихорадочно перебирая в памяти все, что за пять лет учебы слышал о правилах заключения договоров с представителями сопряженных миров. Не всегда сделки завершались к обоюдной выгоде, но чаще всего проситель получал то, что желал. Воплощенная Смерть держал слово. И ценил это умение в других. Но что он попросит взамен? И когда?

«Не выйдешь в поле – не дойдешь до Моря», как говорят орки. Да и что может понадобится от меня владыке Сопредельного мира? Голова правящего монарха? Души тысячи девственниц? Чертеж особо дальнобойной катапульты? Впрочем, ни одно из трех не стоило того зрелища, что я удостоился, стоило только озвучить свою просьбу. Не каждый может похвастаться тем, что смог удивить самого Тахарьеона.

– Ты просишь меня о помощи? – на всякий случай уточ-

нил высший иерарх, пытаюсь что-то рассмотреть в моих глазах.

Выдержать столь пристальный взгляд оказалось непросто, я мучительно задержал дыхание и кивнул, боясь сболтнуть что-нибудь еще более лишнее.

– Думаю, это не возбраняется, – Воплощенная Смерть немного помолчал, все еще меряя меня взглядом, а потом отвернулся и зашагал прочь, коротко бросив через плечо: – Идем.

Я не стал мешкать. Глыба каменного трона медленно уменьшалась за спиной, впереди показалась кучка чахлах деревьев, оплетенных сизым полотнищем тумана – Ашхатор проецировал картинку рощицы, где меня угораздило с ним встретиться. Под деревьями что-то копошилось. Странно, я не помню, чтобы на поляне кто-то был, кроме нас двоих. Подойдя ближе, я различил размытый силуэт. Ног было явно больше двух... Внезапно из тумана, перепугав меня до полусмерти, вынырнула красноглазая лошадиная морда. Я охнул и отскочил. Лошадь фыркнула, мне показалось – насмешливо.

– Это Скъяффирд, – уже привычно ровным голосом произнес Тахарьеон из-за моего плеча. – Он будет твоим до тех пор, пока ты не завершишь ритуал на Престоле. Если примешь этот дар, то взамен должен будешь выполнить мою просьбу, когда я того пожелаю. Согласен ли ты, смертный?

Думаю, уточнять подробности договора бесполезно. А то

и опасно. Да и что он может от меня потребовать, в конце-то концов? Человеческие души иерархам Сопредельного мира без надобности, денег у меня и так нет, а от хлебной, но весьма ограниченной в свободе воли должности вассала можно и отказаться – не возбраняется, если готов встретиться с последствиями. Как-нибудь выкручусь. Да и выбора особо нет.

– Да, Великий. Я согласен.

– Север дорожит своим словом. Надеюсь, мне не придется убедиться в обратном.

Золотые лучи ослепительно яркого солнца танцевали на безупречно зеленом лугу, как на поверхности идеально отполированного изумруда. Траву не тревожил ветер, игра света была больше иллюзией, отражающей внутреннее смятение четверых, собравшихся на поляне мира Теллерва.

– На месте твоей наставницы, я бы отправила тебя в Хаос, вести учет поголовья демонов, – этому мелодичному голосу совершенно не подходило недовольство, звучащее в нем в эту минуту. Но сдержать эмоции оказалось сложнее, чем она думала. – Мы столько времени хранили нейтралитет с темными, а твоя выходка может все разрушить!

– Не будь так строга к ученице, Сури, – сидящий рядом бородач добродушно усмехнулся. – Тогда под рукой у Сопредельного мира была целая армия. А сейчас и от самого Совета Тьмы осталось всего трое: лентяй Фаргдалл, тратящий слишком много времени на размышления и потому до сих

пор не ставший высшим иерархом, предатель Гриммсворд, ослепленный собственной ненавистью, и Тахарьеон, уже разок побывавший в нашем плену.

– Среди их вассалов и посвященных может скрываться тот, кто станет четвертым, – негромко добавил последний советник, прячущий лицо под серебряной маской с прорезями для глаз и рта.

– Это дело не сегодняшнего дня, и даже не завтрашнего, к тому же с каждым годом клеветов у Сопредельного мира становится все меньше, – беззаботно отмахнулся второй. – Ты слишком долго следишь за темными, Тейз, и потому стал видеть все в черном свете.

Он от души рассмеялся собственной шутке, золотые солнечные блики зайчиками запрыгали в короткой рыжевато-русой бороде. Сури нахмурилась, поправила тонкими пальцами золотистый шелковый плащ, закрывающий одно плечо:

– У тебя есть шанс оправдаться. Или я расскажу о твоём самоуправстве твоей наставнице Миллиоре и уже она решит, как поступить. Ты ведь потому и обратилась к Малому Совету, что боишься ее гнева, не так ли?

– Я обратилась к Малому Совету, потому что это быстрее, чем собирать Большой. И ваши решения имеют такой же вес. Я понимаю, что мой поступок может иметь неприятные последствия, поэтому и пришла к вам. Я хочу все исправить. И помочь мне можете только вы.

– Разумно, – одобрил бородатый Бахрул. – Говори, старшая ученица. Мы выслушаем. И вынесем справедливое решение.

– Какое-то время назад я заключила договор с человеком, светлым магом из Моокрогга. Он мечтал принять Знание Теллерва и ему нужен был кто-то вроде... советчика.

– И что могла дать этому человеку ты, старшая ученица? – выражение лица под маской не разгадать, но голос Тейза стал на пол грана холоднее, чем обычно. – Знанием распоряжаются только высшие иерархи, только они дают согласие на то, чтобы это Знание получили обитатели сопряженных миров. И только им открыто, что скрывает в себе Знание. Как твоя наставница вообще допустила подобный договор?

– Она ни о чем не знала!

– Теперь у меня появились вопросы к самой Миллиоре.

– Брось, Тейз, – вмешался Бахрул, дружески похлопал наблюдателя по плечу. – Ты и вправду слишком долго общаешься с темными, стал таким же подозрительным. Ученице просто стало интересно, как живут обитатели других миров, и она немного поболтала с человеком, вот и все. Правильно?

– Так и есть, господин Бахрул. Конечно же я ничего не могла рассказать ему о Знании, и предупредила об этом, но мы не стали расторгать договор. Несколько раз я отправляла к нему стихийных духов, чтобы помочь в его заняти-

ях магией, а иногда расспрашивала о Моокрогге. Он же задавал мне вопросы о нашем мире, о его иерархии, обитателях и магических практиках. Я рассказывала в меру сил. Но ничего запретного или способного навредить Теллерва, клянись, господин Тейз!

Под серебряной маской гулко хмыкнуло, но угадать истинные чувства наблюдателя было невозможно.

– Мы верим тебе, ученица, продолжай, – покровительственно кивнул бородатый иерарх.

– И сейчас этот маг снова попросил отправить одного из стихийных духов в свой мир. Сказал, что должен предотвратить какую-то опасность, а для этого нужно проследить за кем-то из обитателей Моокрогга, а после задать ему несколько вопросов. Я и понятия не имела, что в этом деле окажется замешан Носящий Печать!

– Но он оказался замешан, – вступила в разговор Сури. – И, если твой стихийный дух причинит ему вред или каким-то образом исказит планы Вечных, темные сочтут это нарушением договора и ответят нам силой, у которой найдутся союзники и помимо клеветов из Моокрогга. Ты же не хуже меня знаешь, что ни один из сопряженных миров не имеет права вмешиваться в дела, касающиеся Равновесия Моокрогга!

– Не горячись, Сури, ученица сделала это не по своей воле, она ведь тоже скованна договором с тем магом и не может его нарушить. В отличие от темных, мы не переступаем

через клятвы.

Старшая ученица Миллиоры едва заметно вздрогнула и чуть изменилась в лице, но быстро взяла себя в руки, поставившись, чтобы никто из советников ничего не заметил. За двоих можно было поручиться, но Тейз... Маска наблюдателя слишком надежно скрывала его лицо. Оставалось надеяться, что и он не увидел ничего подозрительного.

– Все так, но, боюсь, Тахарьеон не примет этот аргумент в качестве оправдания, Бахрул.

– Так не будем давать ему повод требовать эти оправдания!

– Если бы все было так просто...

– Все и так просто, Сури! Темных всего трое...

– Но в любой момент может стать четверо, – в голосе Тейза на долю секунды проскользнула тонкая иголочка инеистой выюги, чуждой самой идее мира Света За Туманом. И так же стремительно растаяла, оставив после себя лишь легкий привкус свежести несуществующему ветру. – И, если ты и дальше будешь забывать об этом, Бахрул, горько пожалеешь.

Я открыл глаза и заморгал, морщась от яркого солнечного света. Уже неплохо. Приподнявшись на локте, покрутил головой. Слева ничего необычного не обнаружилось, зато справа черной глыбой щипал траву Скъяффирд, рубиновые огоньки глаз влажно блестели. С четвертой попытки мне все

же удалось принять должествующее положение. Конь внимательно и, как показалось, не без злорадства наблюдал за моими выкрутасами, стоя боком и изогнув шею, чтобы лучше видеть.

– Хватит скалиться! – я замахнулся кулаком на насмешника.

Скьяффирд грозно топнул тяжелым копытом и развернулся ко мне грудью. Серебристую боевую сбрую оплетал незнакомый узор, но буквально через секунду кольчужная сетка исчезла, оставив на коне простое кожаное седло и уздечку с широкими кольцами – червлеными, сталь покрывал рунический узор черточек и точек. И все это – без малейшего колебания энергетического фона вокруг!

– Ого! – от неожиданности я отпрянул, чуть не хлопнувшись на спину.

– Ты заключил договор с Воплощенной Смертью, – голос Ашхатора болезненным эхом отозвался в голове.

Я развернулся, перебирая по траве руками. Демон щурил на солнце оранжевые глаза, заинтересованно разглядывая Скьяффирда. Конь в ответ грозно фыркал и скалился.

– Да, знаю, выменять коня на кота в мешке – не самая разумная сделка. Но обстоятельства складывались слишком уж... соблазнительно.

– Так чаще всего и бывает, – согласился демон. – Не вздумай нарушить слово, северянин. Тахарьеон – не самый приятный враг для смертного, – и помолчав, добавил: – Для бес-

смертного, впрочем, тоже.

– Надеюсь, такая помощь не входит в перечень запрещенного Вечными?

– До сих пор никто из иерархов не совершал ничего подобного, поэтому я не могу тебе ответить. Но ты сам обратился к Тахарьеону за помощью, он не предлагал тебе ее. Значит, спрашивать Вечные должны с тебя. Если, конечно, пожелают.

– Надеюсь, у них найдутся дела поважнее, чем гоняться за мной с вопросами.

Или чем похуже... Пополнить ряды своих злопыхателей парочкой бессмертных, умеющих творить миры, почему-то очень не хочется.

– Чем быстрее ты разыщешь троих Носящих Печать, тем больше у вас шансов завершить ритуал, молодой некромант. В этом мире у Печати нет никакой особой силы, это просто камень, оправленный в металл и содержащий в себе толику магии. Его можно уничтожить. И последствия этого сложно представить даже мне.

– Помню, помню, великая битва Сторон и прочее, – я повертел головой, разминая затекшую шею. – Лучше скажи, как мне искать остальных. Можно использовать для этого Печать, например?

– Печать создана только для одного ритуала, – разочаровал меня демон. – Оказавшись на Престоле она отдаст ему свою силу. В этом мире одна Печать может почувствовать

другие Печати, но только если окажется рядом с ними.

– В общем, никакого толку от этой побрякушки нет, – я поддел пальцем цепочку на шее. – А среди Носящих все обладают магическими способностями?

Искать коллег по ремеслу гораздо проще, чем подбегать к каждому встречному-поперечному на тракте и совать ему под нос Печать, надеясь на внезапную активацию артефакта и адекватную реакцию несчастной жертвы такой своеобразной проверки.

– Нет. Достаточно одного, – вновь развеял мои надежды Ашхатор. – Ты можешь оказаться единственным магом в вашей компании.

– Значит, ни одной зацепки.

– Я не обещал, что задача будет простой.

– Да-да, я помню, что от тебя тоже никакого толку, Хранитель.

Демон насмешливо захрюкал, явно высоко оценив мое чувство юмора:

– После того, как ты найдешь остальных, тебе нужно будет убедиться, что камни подлинные. Для этого вам достаточно собраться вместе и немного подождать, пока Печати узнают друг друга. Если же обряд воссоединения не увенчается успехом...

– Будем импровизировать, – кивнул я.

Понятия не имею, что тут можно придумать, разве что, по примеру орков, подвесить внедрившегося в ряды Носящих

шпиона вниз головой и тыкать в разные части его шпионского тела острыми или раскаленными предметами, надеясь таким образом вызнать какую-нибудь правду. Будем надеяться, что до этого не дойдет.

В животе требовательно заурчало. Что ж, пора двигаться дальше. Я с опаской приблизился к Скъяффирду, коньглянул в мою сторону, но не попятился. Воодушевленный такой реакцией, я лихо вспрыгнул в седло, торопливо нашарил увертливое правое стремя и осторожно тронул поводья. Вороной недоуменно покосился, однако покладисто зашагал к дороге. Ашхатор внимательно следил за моими передвижениями, я спиной чувствовал его взгляд.

– Вперед.

Конь фыркнул и пошел рысью. Позади взметнулась пыль. Вздернув голову, я с удивлением проследил за полетом Хранителя. Через несколько секунд глаза резанула вспышка света – Ашхатор выскользнул в какое-то иное пространство, кажется, вообще не размениваясь на портал.

Порыв холодного ветра подхватил каркающее над перелеском воронье, разметал по небу. Вилл-Орм лениво проводил взглядом отчаянно работающую правым крылом птицу – левое, пробитое насквозь дырой размером с кулак, сейчас ничем не помогало ночному ворону. Остаточная энергия открывшегося неподалеку портала стекалась в Призму, бессильно рассеиваясь в процессе – артефакт не был пред-

назначен для сбора чего-то подобного.

– Не говори, что наконец-то решил устроить на меня засаду, – насмешливо сощурил желтые глаза комиссар Иса.

– Подумаю об этом, когда кто-нибудь из наместников наконец-то наберется смелости объявить награду за твою голову, – в тон ему ответил маг. – Печать Огня попала в руки урожденному Неметона.

– Что ж, так даже лучше. Одним камнем двух птиц.

– У тебя есть план.

– У меня всегда есть план, Орм. Иначе бы я отказался от занимаемой должности.

– Скорее солнце погаснет, – хмыкнул Вилл-Орм. Ночной ворон нырнул в перелесок, маг повернулся лицом к хатру, прямо взглянул в желтые глаза с вертикальными зрачками. – Что собираешься делать?

– Для начала встречусь с ним. Дальше будет видно.

– Если светлые заподозрят, что ты вмешиваешься в судьбу Равновесия – молчать не станут.

– Не волнуйся. Я не хуже тебя умею устраивать случайные встречи.

Вилл-Орм коротко хмыкнул. Чтобы организовать эту «случайность» пришлось знатно попотеть – Печать невозможно отследить, пока она находится в этом мире, даже ему. Зацепка была только одна: Носящий, которого он ищет, должен быть темным. Избранник Стороны Тьмы мог куда быстрее согласиться на сделку с выходцем из Со-

предельного мира. Удача улыбнулась Змею далеко не сразу, но все же улыбнулась. Темных магов в Моокрогге всегда было гораздо меньше, чем светлых.

– Контрольные точки в районе двадцать первого Источника уже среагировали, – северянин щелкнул пальцами левой руки, развернув над ладонью воронку проекции. Четыре точки, находящиеся на разных уровнях плавно крутящегося вихря, синхронно пульсировали. – Слишком рано для таких слабых возмущений энергетического фона.

– Поэтому я и отправился сюда сам, – кивнул комиссар, развернул над своей ладонью похожую воронку, только точек в ней оказалось семь. – Тьеллу не хватает опыта просчитать характер возмущений.

– Совершенно нехарактерная реакция, – сдвинул брови Вилл-Орм. – Эти точки гораздо слабее южных, поэтому всегда считались вспомогательными, но сейчас активировались первыми именно они.

Комиссар спокойно улыбнулся, воздержавшись от комментариев. Чуть склонил голову к плечу, наблюдая за сосредоточенным лицом северянина, сравнивающего две проекции. Улыбка стала на волосок шире, когда ярко-зеленые глаза мага торжествующе заблестели.

– Вспышку усиливает копящаяся на Престоле энергия, а ближайший стык пространства Престола с пространством Моокрогга находится в том квадрате.

– Совершенно верно, – по-прежнему ровным голосом со-

гласился Иса, следом за магом развеял в воздухе пульсирующую энергией воронку.

Вилл-Орм насмешливо приподнял брови, скрестил руки на груди:

– И всё? Я только что на собственном примере продемонстрировал всю степень некомпетентности твоего заместителя, а ты просто подтвердил, что я не ошибся в выводах?

Комиссар благодушно улыбнулся:

– Я прекрасно знаю границы компетентности командора Тьелла. Именно поэтому доверил ему первый этап подготовки к обороне Границы.

– О, может быть лет через сто доверишь и второй?

– Лучшие через двести. Не будем спешить.

Змей рассмеялся следом за комиссаром, покачал головой – завидные перспективы. Впрочем, Тьелл и сам прекрасно знал во что ввязывается, еще когда проходил все те заковыристые испытания, которые придумал ради такого случая Иса. Доверие комиссара правящего дома Севера было не так-то просто заслужить. И куда сложнее раз за разом оправдывать. Судя по всему, у командора Тьелла это пока что получалось.

– Проверю еще четыре контрольные точки и вернусь на Север, – Иса сощурился на яркое солнце, сузив зрачки в тонкие нитки. – Лисья балка, Дут-Окктэ, Седьмица и Ста-Фо. Границы чувствительности у них ненамного выше, чем у точек Двадцать Первого, если среагировали и они – интен-

сивность вспышки можно будет оценить как семь из десяти.

– Даже три из десяти в теперешней ситуации – это много.

– Мы справимся, Орм. Как и всегда.

– Не сомневаюсь. Будь осторожен, комиссар.

– Взаимно, мэтр. Намарр.

Вилл-Орм со своей обожаемой Призмой еще не добрался до затерянного в полях сельца с милым и совершенно нелогичным названием Лешачиха. Но есть мне хотелось ощутимо больше, чем вникать в этимологию. Население, разморенное полуденной жарой, валялось в тенистых кустах и собственных домах или заседало в корчме. Денег у меня практически не было. Что ж, не впервой, выкрутимся. Я сполз с коня, долго и вдумчиво пытался размять отбитый зад и разболевшуюся поясницу, но в итоге отчаялся воскресить былое здоровье и, прихватив сумку, шагнул-таки через порог. Пока глаза привыкали к полумраку, обоняние и слух успели ознакомиться с внутренностями заведения. Ели тут много, часто, но не слишком разнообразно. И народу было всего ничего. Я только успел присесть за ближайший к двери стол, как тут же словно из-под земли вырос толстощекий распаренный мужчина в грязноватом фартуке. План действий родился мгновенно.

– Слушаю, – угрюмо буркнул дядька.

– Тащи сюда всё, что есть, – я принял надменный вид, – и побыстрее.

Мужичина удалился. Сидящие за соседними столами местные негромко шушукались, бросая в мою сторону любопытные взгляды. По долетающим обрывкам разговоров становилось понятно, что приезжих они не видели уже несколько месяцев, хотя обычно в это время года в Лешачиху частенько навещают гости из соседних деревень. Приехал я как раз с той стороны, но на «свояка» не похож. Да и на приличного человека тоже – ни гербов, ни оружия, значит, не гонец и не наемник. Конокрад? Вор? Шпион? М-да, про мага никто и не заикнулся...

Тем временем замызганный парнишка-подавальщик при-тащил блюдо с жареной рыбой и изрядный ломоть хлеба. Следом появился знакомый уже дядька с кружкой хлебного кваса:

– Это всё, что есть.

Я равнодушно пожал плечами, невзначай уронив на колесо левую руку:

– Видимо, заработать ты не хочешь.

– А что ты можешь дать? – мужичина криво усмехнулся, с нескрываемым пренебрежением рассматривая меня – довольно потрепанный внешний вид не убедил его в кредитоспособности клиента.

Я незаметно расчертил нижнюю часть столешницы чередой коротких знаков, а правой рукой достал из кармана зо-

лотой и перекинул мужику, подтверждая поговорку об обманчивости внешности. Тот переменялся в лице:

– Простите великодушно, милсдарь, сейчас принесу ушицы свеженькой и баранину с кашей. Может винца кувшинчик?

Я понял, что переборщил с экзистом – хватило бы и серебра:

– Нет, мне будет достаточно кваса. Принеси только полотенце посвежее.

На счастье, обернулся мужик быстро. Я, обжигаясь, выхлебал уху, запил квасом, а остальное, переборов искушение слопать, завернул в полотенце и запихнул в сумку, вместе с тарелкой и ложкой. Почти бегом выскочил из корчмы, призывно свистнул. Скьяффирд, потряхивая головой, выметнулся из-за стены, куда успел убрести за это время. Оставалась пара минут, чтобы удалиться на безопасное расстояние – экзист без энергетической подпитки быстро распадется, и хозяин корчмы вряд ли похвалит заезжего мага за находчивость. Я поспешно вскарабкался в седло:

– Вперед!

Понятливый конь перешел в галоп и вихрем вылетел за околицу.

Глава 3

Наскоро обследовав окрестности привлекательной рощицы, я с восторгом обнаружил небольшую речушку, но гигиенические планы несколько нарушил глубокий грудной голос, вдохновенно что-то декламирующий. Спрятавшись за кустиком, я прикинул расстояние до неряшливо разбросанной по берегу одежды и с тоской понял, что добежать туда не успею. Тем временем обладатель голоса продрался через заросли и застыл, приложив руку к сердцу. Я затаился.

– Кикимора зеленая к речушке подошла, споткнулась о колоду и тут же умерла, – неожиданно заявил мужик.

Я поперхнулся и выпучил глаза на виршеплетя.

– Нет, грустно как-то... Кикимора зеленая к речушке подошла, увидела поганку и...

«Тут же умерла», – сложилось у меня, но незнакомец оказался поэтом с большим словарным запасом.

– И за косой ушла! – патетично закончил тот, отнимая ладонь от сердца.

Я отчаянно старался держать себя в руках, но картина кикиморы, выкашивающей поганки, не способствовала этому.

– Нет, снова что-то не то. Ах да, конечно! Кикимора зеленая к речушке подошла, схватила бублик с маком, поела и ушла! Нет, это похоже на то, с косой... Подошла... Подошла...

Я медленно оседал на землю. Поэт не унимался:

– Кикимора зеленая к речушке подошла, увидела гадюку, которая плыла. Гадюка зашипела, потом ко дну пошла. Кикимора зеленая ей палкой помогла. Нет, это некрасиво. Палкой... Зачем же безвинную гадюку палкой? Хм-м...

Я отчаянно закусил губу, приготовившись к очередной занимательной истории о проделках кикиморы у речки. И не пожалел. Гордо выпрямившись, мой мучитель выдал:

– Кикимора зеленая к речушке подошла, помылась, постиралась и денежку нашла!

Всё, не могу! Истерически хохоча, я вывалился из-за куста.

– И-и-и! – тонко завизжал стихотворец, вбегая в реку. – Грабят! Убивают!

– Стихи сочиняют! – в тон ему заголосил я, утирая нависшие слезы.

– И что? – неожиданно обиделся поэт. – Разве это плохо?

– Нет, что вы, даже полезно. Уморите грабителей голым словом, даже руки пачкать не придется.

Вконец разобиженный мужик подался вперед, остановившись на самой кромке воды:

– Зато я не прячусь по кустам и не подстерегаю одаренных богами людей в чем мать родила! Ведь вас, несомненно, подкупили шпионить за мной и красть бесценные крупички дивной музыки, облеченной в слова!

Я захохотал еще громче, чем окончательно вывел селяни-

на из себя. Он грозно топнул лаптем и двинулся ко мне, явно желая прекратить мои мучения. Вблизи выяснилось, что я выше стихотворца на добрых две головы. Явное физическое превосходство «шпиона» заставило мужика отступить, но он нисколько не растерял своего боевого задора и был готов растерзать меня за нелестные отзывы о зарисовках из жизни кикимор. Грозный взгляд скользнул по моей груди, брови раздвинулись и поднялись на пядь, сам поэт покачнулся и поспешно отскочил на безопасное расстояние. Я вспомнил о Печати, которую, конечно же, не стал снимать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.